

ИСТИННАЯ ДЛЯ ОБОРОТНЯ

Радомира Меплинская

Рада Теплинская

Истинная для оборотня

<https://litres.ru/74451062>

Аннотация

Адриан толкает меня к стене, нависая над моим телом, словно прижимая к древнему каменному полу, оставшемуся с прошлых веков. Его тело — как стена, плотная, непроницаемая, вытесанная из гнева и страха. Он загораживает свет очага, и я вижу лишь отсветы трещащих поленьев на его спине, мерцающие блики на коже, словно он сам — часть огненной сцены. Я не вижу его лица, лишь слышу шумное, прерывистое дыхание — хриплое, будто он уже давно не мог глубоко вдохнуть, будто его душа пытается вырваться наружу сквозь плоть.

— Где. Ты. Была? — повторяет он, выделяя каждое слово, как удар молота по наковальне. Каждое — как приговор, вырезанный в воздухе. Голос его — не просто звук, а ощущение давления, тяжести, которая медленно, но верно сжимает моё сердце.

Его пальцы сильнее сжимаются вокруг моего горла, перекрывая доступ к кислороду. Кровь стучит в висках, мышцы шеи судорожно сжимаются, пытаюсь вырваться из ловушки. Я пытаюсь высвободиться, но тело не слушается — оно словно превратилось в тело, принадлежащее не мне, а его ярости.

— Пусти, — хриплю я, чувствуя, как голос теряется в удушье, — мне нечем дышать...

Содержание

1	4
2	17
3	32
4	52
5	73
6	120
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Пробуждение подобно удару молнии — внезапное, вырывающее из бездонного сна, оставляющее после себя онемение и трепет в конечностях. Глаза распахнулись с силой электрического разряда, и предо мной предстала неведомая обитель, окутанная полумраком и древней безмолвной тайной. Стены, сложенные из грубых, словно обтесанных великаном, каменных глыб, покрыты слоем пыли и влаги, отчего при касании ощущалась прохлада, граничащая с ледяным холодом. В центре зала возвышалась монументальная каменная печь, ее кирпичная кладка свидетельствовала о минувших эпохах, а массивный дымоход устремлялся в потолок, испещренный трещинами, как старая рана, кое-как залатанная крепкими веревками. Пол устлан шкурами неведомых зверей, будто оленей или медведей, их грубая шерсть примята и изношена, но все еще источает терпкий аромат дикой природы — смесь дыма, дерева и чего-то землистого, первозданного.

Сквозь узкие, сужающиеся кверху окна, напоминающие бойницы в старинных замках, взгляду открывался белоснежный, застывший мир, будто скованный вечным морозом. Лишь деревянные ставни, приоткрытые на крохотную щель, пропускали призрачный свет. Снег лежал неподвижным, ровным полотном, не тронутое ни единой лапкой, ни одним следом. Даже молчаливый ветер, казалось, замер, а

воздух стал плотным, словно сама природа застыла в немом ожидании.

Где я? Что произошло? Голова — пустая комната, лишенная эха, словно меня вырвали из привычной реальности и швырнули в этот мир без ориентиров, без прошлого, без имени. Ни малейшего намека на то, как я здесь оказался. Ни звездных следов знакомых лиц, ни отзвуков голосов, ни дорогих сердцу запахов — лишь ледяное безмолвие и жуткое ощущение чужеродности самому себе.

Шея, словно позабыв свои функции, поддается с невероятным усилием, суставы скрипят, будто заржавевшие петли. Каждое движение отзывается тупой болью в затылке, будто в позвоночник впечатан тяжелый камень. Руки ощущаются пустыми, непривычно легкими, словно они не принадлежат мне, выкованы из иного металла, налиты неведомой тяжестью. Ноги — как ватные, отказываются держать тело, подгибаются, словно не желают служить. Попытка сесть оборачивается борьбой с собственным телом, оно стремится уйти вниз, раствориться в прахе.

Все мое существо — чужое. Кожа, холодная, как у покойника, но бездыханно живая. Пульс — едва слышный, но ровный, как тихий огонек надежды, теплящийся внутри, даже когда я не знаю, кто я. Дыхание — тоже чужое, будто кто-то вдохнул в меня жизнь, а затем забыл, как выдохнуть.

Бьюсь в отчаянии, пытаюсь вырвать из небытия хоть тень воспоминания — имя, лицо, место, событие. Но в голове

— плотный, серый, вязкий туман, похожий на дым из забытой печи. Ни одной отчетливой мысли, ни одного осколка прошлого — ни родного дома, ни знакомого пути, ни лица, которое хотелось бы увидеть. Даже осознание себя человеком кажется иллюзорным. Я — лишь тень в каменной темнице, окутанная снегом, затерянная в пространстве, где время, возможно, остановилось навсегда.

Мои раздумья прерывает стук за дверью — тяжёлый, размеренный, будто кто-то неумолимо приближается к моей обители. Шаги отдаются по древней, скрипящей палубе пола, которая хрипит под весом, словно тонкий лёд под ноги. Каждый звук — удар молота по моим нервам. Горло словно пересохло, руки сами сжимают край покрывала, крепче — будто пытаюсь удержать своё тело от рассыпания.

Инстинктивно, не раздумывая, я закрываю веки, прижимаю ладони к груди, чтобы подавить трепет тела. Выдыхаю тихо, плавно, словно сплю. Дыхание становится невесомым, глубже, почти неосязаемым. Сердце колотится, словно птица в клетке, но я укрощаю его, мысленно отсчитывая удары: раз... два... три... — пытаюсь втиснуть бешеный пульс в рамки умиротворённого сна.

Дверь издаёт протяжный стон — то ли от ветра, то ли от чьей-то настойчивой поступи. В комнате воцаряется тишина, но воздух становится гуще, тяжелее. Я ощущаю, как кто-то входит, и тут же — сумрак, движение, касание. Кто-то рядом. Рука — массивная, сильная — ложится на моё плечо,

лёгкий, но явственный толчок. Я не шевелюсь. Дыхание — едва уловимое, как дымка от почти потухшей свечи.

— Эрика, — вырывается низкий, шершавый голос, почти шёпот, но с оттенком приказа. Это не просто имя — это вызов, брошенный в уши. Веки остаются закрытыми. Я продолжаю играть свою роль. Пальцы на щиколотке напрягаются, но лишь самую малость, стараясь не выдать судорожную дрожь мышц. Глаза — сомкнуты. Тело — расслаблено. Дыхание — ровное, медленное, как у погруженного в сон.

Через миг — шорох, будто кто-то оборачивается, вглядываясь в меня, оценивая. Затем — тихий выдох, полный едва скрываемого презрения.

— Пора бы ей очнуться, — произносит он, и в этих словах — гремящий сплав раздражения, усталости и чего-то ещё — возможно, горечи утраченных надежд. Голос звучит чуть громче, чем нужно, словно он хочет, чтобы я услышала — и пробудилась. Но я остаюсь неподвижной. Не смеюсь. Не двигаюсь. Я — спящая. Я — не та, кого он ждёт. Или, может быть, я — та, кого он боится.

Он стоит рядом, вглядываясь в меня. Я чувствую это — пристальный взгляд, как лёгкий укол. Всё тело напряжено, но я держу строй. Даже если через миг, или час, или день — я останусь здесь, в этой лжи, в этом сне, в этом безмолвном ожидании. Потому что стоит мне открыть глаза — начнётся нечто иное. А пока — я живу в тишине, в обмане, в том, что называют «сном».

- Лекарь, он ничего не заподозрил? — с опаской тихонько спросила женщина, плотнее прижимая к груди выдавшую виды сумку, словно боясь, что из нее выпадет нечто драгоценное. В ее голосе слышалась дрожь, рожденная, скорее всего, смесью страха перед услышанным и горьким опытом — ведь подобные разговоры звучали для нее не впервые, оставляя в душе неизгладимый след.

«Гостей» оказалось двое.

- Нет, он думает, что она просто перепутала зелья, — усмехнулся незнакомец, развалившись на стуле, из которого торчали сухие щепки. Его голос звучал с легкой иронией, словно он рассказывал о пустяке, вроде забытого на огне горшка. - Старый дурак даже не врубился, что я подменил корешки. Вместо пажитника — молочай, а корень левзеи — наплющ. Действие должно быть не просто успокаивающим, а... ускоряющим. Он и не заметил подмены. Даже анализы ничего не показали — слишком тонкая работа.

- А ребенок? — уточнила его собеседница, отводя взгляд в сторону, словно боясь увидеть в его глазах отражение чего-то непоправимого.

- Не выжил, к счастью.

В его словах звучало не просто облегчение, а настоящее торжество, смакование победы, как после долгого голода — вкус свежего мяса. Я, застыв на пороге, почувствовал острый спазм внизу живота. Не от страха, а от ужаса осозна-

ния, что это не просто потеря, а полное уничтожение... Существо, которому еще только предстояло увидеть свет, было стерто из бытия.

- Сколько уже у нее выкидышей, Рори? Третий?

Комната погрузилась в короткую паузу, прерываемую лишь тиканьем старых часов да шелестом ткани — кто-то перебирал одежду.

- Четвертый... кажется. Или пятый. Какая разница? Дети от этой твари мне не нужны. У нее даже зверя нет. Ни одного. Никого, кто бы ее защищал от выдал за свою. Она — просто тень, которую можно стереть в любой момент.

- Но ты же с ней спишь регулярно, — возмутилась она, сжимая кулаки, будто пытаясь раздавить невидимое. - Ты сам признавался. Зачем, если не нужна?

- Ревнуешь, дорогая? — в его голосе проскользнули дразнящие нотки, будто он подшучивал над кем-то, кто переступил невидимую черту. - Не стоит. Это ненадолго. Как только стая будет моя — а она почти вся, — я избавлюсь от этой самки. Если, конечно, она сама не сдохнет раньше. Может, и не от таблеток. Просто устанет. От тяжелого труда. От того, что я ее не кормлю, не кормлю, не кормлю... А потом — уйдет. Растает, как дым.

Он усмехнулся. В этой усмешке — не просто холод, а полное бездушие к человеческой жизни. Он не убивал — он просто выключал. Как свет. Как незваного гостя. Как то, что больше не нужно.

Ледяной спрут страха обвивал мое тело, вытягивая из него жизненные силы, заставляя застыть в немом ужасе. Каждый нерв натянулся до предела, как струна, готовая порваться. В голове стучала лишь одна мысль, навязчивый рефрен: бежать! Но ноги, будто приросшие к земле, отказывались повиноваться. Прижавшись лицом к прохладному матрасу, я отчаянно искала хоть каплю тепла, пытаюсь заглушить предательский холодок ужаса. Сердце билось о ребра, словно пойманная птица, готовая вырваться из плена. И тогда, в этой вязкой тишине, раздался голос, словно удар хлыста:

- Уходим. Вернемся позже.

Шаги зазвучали, то удаляясь, то приближаясь, пока совсем не стихли. Я ждала. Вечность, спрессованная в минуты. Каждая клеточка кричала об опасности. И тут, словно громом пораженная, я попыталась вскочить, но тело, лишенное силы, обмякло, и я снова рухнула на кровать. Боль пронзила позвоночник, как раскаленное железо. Сжав зубы, прикусив губу, я затаила дыхание, боясь даже шороха, который мог вернуть их, или, что хуже, привлечь того, кто прятался в соседней комнате, словно тень хищника. Кто они? Чего хотят? Я не знал. Но знала одно: поймают – конец.

Медленно, как раненый зверь, я поднялась. Каждый дюйм

– риск. Страх гнал вперед. Обозревая просторную комнату, залитую тусклым светом, я видела лишь запустение: старые полки, забытые книги, мятые бумаги. Массивная дверь внушала трепет. Что за ней? Не могла рискнуть. Даже если открыта, там мог ждать враг. Или еще хуже – ловушка.

Оставалось окно. Огромное, от пола до потолка. Образ вырвался сам собой: прыжок, падение, пробитая грудь. Но тело было как веревка, изможденное, едва державшееся. Смогу ли я болтаться над пропастью? Упасть? Это был бы финал.

Но остаться – означало умереть. Шанс один из десяти? Неважно. "Не попробуешь – не узнаешь", – прошептал внутренний голос. И я начала ползти. Мучительно. Каждый сантиметр – битва. Пальцы впивались в дерево, колени царапались. Ручка на балконной двери не поддавалась. Руки дрожали, но я их подчинила. Повернула. Скрип. Ветер. Темный сад, забор. И... солнечный луч. Слабый, но он был. Это был выход. Это был шанс. Это была жизнь.

Каждое движение дается с невероятным трудом, словно тело погружено в вязкий, ледяной студень, а каждый сантиметр пути требует титанических усилий. Чувствуешь себя выжатой досуха тряпкой, которая из последних сил сопротивляется воле. Дыхание срывается, превращаясь в короткие, судорожные хватки воздуха, будто легкие отказываются принимать живительный кислород. Сердце бешено колотится в унисон с зародившимся ужасом, пытаюсь вырвать-

ся из клетки, которую, кажется, соорудило оно само. Руки – чужие, неподъемные, словно выточенные из древесных корней, отказываются подчиняться, совершенно лишённые опоры. Ноги, ещё вчера казавшиеся стальными опорами, теперь дрожат, словно из ваты, утратив связь с нервной системой, будто отключены от мира. Опираясь о стену, чувствуешь, как тело медленно, неумолимо скользит вниз, будто сам мир тянет ко дну, в бездну, откуда нет возврата.

Со стороны, наверное, я выгляжу именно так, как описал незнакомец – «убого». Бледность, дрожащие губы, глаза, наполненные страхом и болью. Внутри разгорается ярость, не простое раздражение, а глухая, всепоглощающая, будто кто-то сдавил горло, не давая выдохнуть. Но именно эта злость становится катализатором, пробуждая скрытые резервы, спящие под слоями усталости и страха. Внутри что-то шелкает, лопается хрупкая оболочка, защищавшая от самого себя, выпуская на волю нечто древнее, могучее, нечеловеческое.

Удаётся дотянуться до другой ручки. Пальцы, словно зацепившись за последнюю соломинку, впиваются в холодный металл. Поворот ручки – окно распаивается. В дом врывается порыв морозного ветра, несущий запахи зимы, льда, пустыни – будто открылась дверь в иную реальность. Чувствуешь этот воздух, не принадлежащий ни одному измерению, в котором жила раньше. Но всё. Рука, что была готова метнуться вперед, вдруг теряет всякую силу, отваливается, слов-

но перестала быть частью тела. Обессиленно сползаешь по стене, опадая на пол, как будто тело само решило прекратить борьбу.

Комната наполняется холодом – не просто морозным, а тем, что проникает в кости, заставляя их дрожать, будто они обрели собственную жизнь. Но вдох кажется невозможным – легкие словно дышат льдом, и воздух, проникая в них, будто не достигает сердца. Голова кружится, словно потеряв ось, уплывая в пустоту. Перед глазами мелькают темные пятна, зрение отключается фрагментами. Сознание плывет, как опавший лист по реке, и кажется, что вот-вот утонешь в бездне.

Нужно отдохнуть. Собрать остатки воли. Попробовать снова – встать, выйти, выжить. Но за дверью снова шаги. Тихие, осторожные, но неумолимые. Кто-то приближается. И понимаешь – нет сил поднять руку, чтобы закрыть окно. Нет сил даже заплакать – слезы застревают в горле, как песок, не давая выйти. Сердце колотится так, что грозит разорваться, вырваться из груди, унести прочь от надвигающейся угрозы. Сидишь, прижавшись спиной к стене, и ждешь – ждешь, когда распахнется дверь, когда появится тот, кто пришел за тобой. Но лица не видишь – только тень, только шаги, только страх, растущий, как плесень.

И тут – внезапно. Что-то происходит. Не вовне, а внутри. Кости начинают плавиться – ощущением, словно их структура перестраивается, они становятся жидкими, превраща-

ясь во что-то иное. Мышцы наливаются силой – не человеческой, а той, что приходит извне, из глубины, из иного измерения. Чувствуешь, как тело меняется, будто кто-то переписывает анатомию, перезагружает ее. Мир переворачивается – стены, пол, потолок – все крутится, как в гравитационной ловушке. Пол стремительно приближается, кажется, вот-вот упадешь, но... ты не падаешь. Ты стоишь устойчиво – на четырех конечностях, как животное, как то, что никогда не было человеком. Ты – не падаешь, а удерживаешься, словно эта новая поза – естественная, родная.

Ты все еще ты – в сознании, в воспоминаниях, в образе, запечатленном в памяти. Но ты – другая. Ты – не человек. Не то, кем была. Не то, кем стала. Ты – нечто большее. Не то, что можно описать словами. Не то, что можно понять. Ты – то, что выжило. То, что вышло из тьмы. То, что вышло из боли. Ты – не существо, пришедшее с Земли. Ты – существо, пришедшее изнутри. Из того, что было спрятано, из того, что было забыто. И теперь – оно пробуждается.

Не успеваю обдумать, что со мной происходит — уже через мгновение прыгаю в окно, и тело моё мягко, почти бесшумно касается поверхности, покрытой хрустящей коркой свежего снега. От удара по ногам раздаётся лёгкий треск, будто земля сама взволнована моим приходом. Воздух резко щиплет лёгкие — морозный, пронизывающий, с ароматом сосны и древнего льда. А дальше всё мысли, размышления, сомнения — всё вылетает из головы, словно их вырвало вет-

ром.

Я бегу. Не просто бегу — я несусь, как вихрь, не разбирая дороги, лавируя между стволами деревьев, прыгая через упавшие ветви, обходя корни, заросшие инеем. Каждый шаг — как удар сердца, каждый вздох — гулкий, прерывистый, будто дыхание самой природы. Тело двигается само, повинаясь древнему, почти забытому инстинкту — бежать, пока не остановится сила, пока не иссякнет страх. Я не знаю, кто меня преследует, не знаю, откуда он, но я чувствую его — это не звук, не образ, а ощущение, как будто кто-то стоит за спиной, даже когда вокруг — тишина.

Никто за мной не гоняется. Я уверена в этом. Слушаю — нет шагов, нет дыхания, нет даже скрипа снега под ногами. Никакого движения позади. Но я не сбавляю скорости. Даже когда тени деревьев становятся длиннее, а свет дня — тоньше, как будто земля поглотила последний отсвет. Я бегу, пока сердце не начинает колотиться в груди, а ноги — как будто перестали слушаться, будто их вытянули из костей, словно они уже не мои, а чьи-то — чужие, но в то же время — мои, потому что чувствую их боль, тяжесть, усталость.

Наконец, когда дыхание перестаёт быть дыханием, а становится лишь судорожным хрипом, когда тело больше не может удерживать себя на ногах — я падаю. Прямо в рыхлый,

пушистый снег, который мягко принимает меня, словно материнскую постель. Я проваливаюсь, как в пастельный сон, и больше не могу ни двинуться, ни поднять голову. Только дышать. Только оставаться здесь, в этой белой, безлюдной гробнице.

Вокруг — ни звука. Ни ветра, ни птиц, ни даже скрипа веток. Только тишина, которая будто была здесь задолго до моего прихода, которая, возможно, и создала меня. Я одна. И это — безопасность. Я в безопасности. Я не знаю, где нахожусь, не помню, кто я, откуда пришла — но сейчас мне всё равно. Я просто — здесь. Я живая. Я дышу.

Закрываю глаза. Глубоко, медленно. И тут, как проблеск памяти, — имя. Лёгкое, тёплое, будто вырезанное на кусочке дерева, которое я когда-то держала в руках.

«Марина. Кажется, меня зовут Марина.»

Голос — мой собственный? Или кто-то из прошлого, кто-то, кто знал меня до того, как я исчезла?

Меня зовут Марина.

Имя возвращается, как свет в тоннеле.

А потом — тишина.

И сон.

Глубокий, тяжёлый, почти без сновидений.

Я проваливаюсь в него, как в бездонную пропасть, и больше не встаю.

- Смотрите, кого я обнаружил! – низкий, хрипловатый мужской голос пронзает слух, подобно разряду молнии. Я внезапно прихожу в себя, выныривая из туманной дымки, словно после глубокого обморока. Мозг пуст, но тело отзывается пульсацией, вторя чужим шагам. В ноздри ударяет терпкий аромат – смесь затхлости, влажного меха и обожженной холодом кожи. Этот запах не просто неприятен, он тревожит, словно предвещаая опасность.

В глазах мелькают обрывки сна: припорошенные снегом заросли, похожие на сплетенные ветви, и деревья с ледяными шапками на ветвях. Корни, торчащие из земли, напоминают истлевшие объятия. Все это проносится внизу, когда я смотрю вниз, с высоты. Подо мной – чья-то крепкая, теплая спина, укрытая грубой, потертой кожей. Я, словно бесформенный мешок, повисла на его плечах, тела наши плотно прижаты. От него исходит не просто тепло, а обжигающий жар.

А сзади – ледяной ветер, пронизывающий до самых костей, будто меня выбросили из укрытия в самый разгар зимы. И лишь сейчас, в момент замешательства, до меня доходит: я абсолютно обнажена. Нет никакой одежды, никаких тканей, даже клочка. Только кожа, выставленная на всеобщее обозрение, словно добыча, которую даже брать не при-

шлось – просто подняли и понесли.

- Кто это? Мертва, что ли? – вкрадчивый, насмешливый голос звучит откуда-то сбоку, за спиной. В тот же миг – резкое, почти грубое движение: дергают за волосы, за ухо, за что придется – и мою голову заставляют поднять. Тело отзывается тупой болью в затылке, но я бессильна.

- Нет, жива, – хрипло усмехается он, когда наши взгляды встречаются. Его глаза – темные, как уголь, с присущим им блеском, словно он видит не просто тело, а что-то готовое к употреблению. Он шумно вдыхает, будто пробуя аромат. - Ммм, сладкая! Альфа будет доволен.

Хватка на волосах сменяется легким толчком – и я снова утыкаюсь лицом в его спину, в тугую, теплый шарф, обмотанный вокруг шеи. От него пахнет мокрой кожей, дымом от костра и чем-то острым, напоминающим пряные травы.

- Может, и нам достанется, – похабно хмыкает первый похититель, – уж больно хороша. Не каждый день такой найдешь.

- Кто вы? Отпустите! – хриплю я, пытаюсь освободиться, ухватиться хоть за край его куртки, но руки скользят по гладкой, влажной ткани. Я не могу пошевелиться, не могу прикрыть тело – оно открыто, уязвимо, словно вырезанное из кожи для показа.

Каждое движение – словно танец смерти: шаг, поворот, рывок – и вновь я висну, легкая, как пух, не в силах противостоять ветру. Несут меня по лесу, где деревья стоят, слов-

но стражи древней тайны. Снег хрустит под ногами, и каждый шаг кажется приближением к чему-то неведомому, но уже осязаемому.

Не знаю, кто эти люди. Не знаю, где я. Не знаю, что со мной будет. Но если Альфа – заказчик, то, возможно, мне повезет – если он захочет меня сохранить. Если нет – я стану просто очередной жертвой, которую отправят в небытие.

И тогда, впервые, я осознаю: меня не просто похитили. Я – товар. И я – не просто тело. Я – то, что можно купить, отдать, использовать... и забыть.

Из-за физической немощи, охватившей тело до предела, сопротивление стало невозможным — мышцы отказывали, нервы были перегружены, а дыхание прерывалось короткими, судорожными вспышками. Поза, в которой я оказалась — руки за спиной, ноги вытянуты, тело прижато к холодной, влажной земле, — не просто вызывала боль, но и нарушила кровообращение. Через несколько минут в конечностях пропало ощущение: пальцы онемели, ноги словно отключились, будто их больше не существовало. Каждое прикосновение чужой руки — даже случайное касание плеча или щеки — вызывало отвращение, тошноту, почти физическую дрожь. Но страх, сковавший меня, как железный панцирь, лишал способности шевельнуться, выкрикнуть, даже пошевелить губами. Я была как марионетка, которую кто-то держит за нитки, не давая ни движения, ни голоса.

Осознание того, что вокруг — только густой, непроницаемый лес, где ни одного знака цивилизации, ни тропинки, ни света фонарей, — вызвало у меня настоящую тошноту. Небо, которое ещё час назад было ярко-голубым, теперь медленно погружалось в серые, тяжелые тучи, а на горизонте уже проступали первые тени сумерек. Время, уходящее впустую, — это не просто потеря минут, а катастрофа. День, который мог бы быть наполнен жизнью, надеждой, возможностью, превратился в мучительное ожидание, в которое не было даже силы сопротивляться. Сколько ценных часов, дней, шансов упущено? Сколько раз я могла бы попытаться бежать, если бы была в силах? А теперь — лишь пустота, ощущение, что всё, что было, — утрачено навсегда.

Мое внимание привлек спутник: высокий, крепко сложенный мужчина, с широкими плечами, словно выточенный из дерева и камня. Его кожаные штаны, потертые, но крепкие, словно выдержавшие десятки зим, плотно облегали ноги, а меховые сапоги, сшитые из шкурок лисиц и косуль, были забрызганы грязью и усыпаны ледяными кристалликами. Длинные волосы, почти до плеч, были растрепаны ветром, запутаны в узлы, но при этом выглядели как живая часть его личности — неукротимые, как сам человек. На его плече лежала добыча — четыре крепких зайца, их тела были перекручены в узел, чтобы не сбрасывать с плеча, а глаза —

стеклянные, безжизненные, но полные смысла. В его облике, в тонкой щербинке на подбородке, в том, как он смотрел вперед, не мигая, — читались черты настоящего варвара: не жалеющего, не стесняющегося, живущего по своим законам. Он не был похож на тех, кого я когда-либо видела — ни в городах, ни в деревнях. Он был чем-то средним между зверем и человеком, между древним племенем и древним же богом.

Заметив мой взгляд — медленный, испытующий, почти испуганный — он неожиданно подмигнул, саркастически, с оттенком хамской иронии. Его глаза, серые, как у волка, блеснули, будто он знал, что я чувствую. Я отвернулась, сжав зубы, чтобы не всхлипнуть. Казалось, он смеялся надо мной, над моей беспомощностью. И в тот же миг внутри меня, словно тлеющий уголь, вспыхнуло ощущение безысходности — не просто страха, а полного отчаяния, когда кажется, что даже мысль о спасении — уже нечто невозможное, как будто мир закрыл все двери, а я — в самом центре ловушки.

А потом — мысль о спасении, которая, казалось, была лишь иллюзией, — вдруг стала чем-то более реальным, чем сама жизнь. Она не пришла сразу, не вырвалась изнутри, а медленно, как тень, проползла по мышцам, словно пробуждаясь после долгого сна. Мой похититель — другой незнакомец, с лицом, покрытым шрамами, как будто кто-то пытался вырезать в нём имя — был не менее внушителен. Его сила

была ошеломляющей: он нес меня, как куклу, одной рукой, прижимая к груди, будто я была пушинкой. Даже когда мы шли по болотистой тропе, он не сбавлял шагу, не терял равновесия, не останавливался. Я чувствовала, как его сердце бьётся ритмично, как молот, и это пугало не меньше, чем его взгляд — холодный, безжалостный, как лёд.

Но именно это открытие — что я могу быть не просто грузом, а живым существом, которое может быть вынесено, — заставило меня временно принять ситуацию. Я перестала сопротивляться, чтобы не получить травму, не потерять шанс. Я стала слушать, замечать, запоминать: как он шагает, куда поворачивает, как дышит. Я изучала каждый звук — трещину сучьев, пение птиц, шелест листвы. Я запоминала, где находятся рощицы, где — обрывы, где — реки. Я замечала, что ветер дует с юга, а солнце — с востока. Я старалась думать не о том, как убежать, а о том, как выжить. И вот в этот момент, в глубине, где раньше была паника, а теперь — тишина, — затаился шанс. Глубокое, почти невидимое желание освободиться — не просто бежать, а стать собой — уже пустило корни. Оно ждало подходящего момента: когда он устанет, когда повернётся спиной, когда солнце склонится к горизонту, когда лес станет тише, а тени — длиннее. Оно ждало, пока я стану не просто жертвой, а тем, кто сможет ударить.

Еще некоторое время меня молча перемещают сквозь су-

мрачный лес, пока сквозь кроны деревьев не пробиваются мерцающие огоньки. Приближаясь, я начинаю различать очертания деревянных сооружений, отдаленно напоминающих жилища. По всей видимости, это и есть их место обитания.

До меня доносятся приглушенные звуки речи, смех, а также улавливается аромат жареного мяса.

– Варго! – разносится крик одного из моих похитителей.
– Мы привели дар!

Несколько торопливых шагов, и меня грубо швыряют на землю, прямо к ногам некоего мужчины. Преодолевая телесную боль, я сажусь, обхватив себя руками, пытаюсь прикрыть наготу.

За моей спиной полыхает большой костер, на котором вертелась туша неведомого зверя. А вокруг, расположившись на массивных бревнах, сидят... варвары. Полуобнаженные, неопрятные, облаченные в звериные шкуры и мех. В основном это мужчины, но есть и несколько женщин.

У того, кто сидит напротив меня, имеются даже две спутницы. Одна из них игриво водит пальцем по его внушительной груди, покрытой темными татуировками, вторая ласкает его бедро с внутренней стороны.

Нет никаких сомнений – он здесь принимает все решения.
– Это вместо оленя? – с явной насмешкой вопрошает он, и присутствующие взрываются хохотом. – Прости, вожак. Добыча не удалась, – с покорностью произносит один из моих

пленников.

Вокруг меня безжизненно падают тела зайцев — их шкурки разбросаны по земле, словно обрывки старых тряпок, пропитанных кровью и страхом. Каждый вздох, каждый хруст костей, каждый хлюпающий звук, сопровождающий их падение, будто бьет по мозгам. Я стою на краю этого ужасного, безжалостного поля, и впервые в жизни понимаю, что сама — не просто наблюдатель, а часть этой жуткой, кровавой иерархии. Я — добыча. Я — добыча, которую можно отдать, как мешок картошки, — просто так, без лишних слов. И этот факт заставляет моё тело покрываться липким потом, а сердце — биться, как бешеное, словно хочет вырваться из груди.

Мужчины, собравшиеся вокруг, словно лавочники на ярмарке, где вместо овощей — живые существа, без стеснения разглядывают меня. Их взгляды — не просто оценка, а пристальное, почти жадное обследование. Они оценивают форму, размер, цвет кожи, даже то, как дышит тело. Кто-то осклаливается, обнажая желтые, пожелтевшие зубы, кто-то облизывает губы, словно уже представляет, как будет кусать. Всё это — не просто взгляды, а часть механизма, где человек становится объектом, а не личностью. Я чувствую, как внутри меня что-то ломается — стыд, смешанный с ужасом, заставляет щеки вспыхивать, будто на них наложили раскалённый

железный пресс.

Но среди этой толпы один человек выделяется. Его взгляд не скользит по мне, как у остальных, а прикован ко мне. Он стоит чуть в стороне, чуть отстранённое, но его глаза — как две тёмные ловушки. В них — не жадность, не агрессия, а что-то гораздо более странное: глубокие раздумья, тревога, словно он пытается увидеть за моей кожей не тело, а... душу. Он склоняет голову набок, будто пытается услышать что-то невидимое, что-то, что исходит от меня, — шёпот из прошлого, или предсмертный крик, или просто мысль, которую никто другой не способен прочесть. Его брови сжимаются в тугий узел, а губы — легко шевелятся, будто он произносит что-то, что не хочет слышать никто, кроме него.

Его спутница, молодая женщина с резкими чертами лица и холодным взглядом, замечает его реакцию. Она мгновенно прижимается к нему, будто защищая, словно пытаюсь заблокировать его внимание. Её пальцы впиваются в его руку, а губы шепчут что-то на ухо — не любовные слова, а предупреждение, завистливое, язвительное. «Не смотри на неё. Она не твоя. Она — чужая. Она — добыча». И в её глазах — не просто ревность, а настоящая угроза. Она видит во мне угрозу своему положению, своей власти, своей безопасности. И это — не просто ревность, это — борьба за выживание.

— Ладно, присаживайтесь, — говорит предводитель, громко, с ноткой высокомерия, будто приглашая к столу, где в качестве закуски — человеческие тела. — Угощайтесь. Пусть будет праздник.

Он произносит это так, будто речь идёт о фруктах, а не о людях. Его голос — как у барона, который раздает земли, но не сады, а кости.

— Что касается этой, — он небрежно кивает в мою сторону, — забирайте. Поделите между собой. Кто хочет — тот и возьмёт.

И тут начинается самое страшное. Я не могу пошевелиться. Внутри — паника, как в ловушке, где нет выхода. Меня охватывает липкая, холодная дрожь, словно я уже вовсе не человек, а кусок мяса, подверженный дележке. Толпа гудит, как пчелиный улей, полный яда. Их голоса — это не крики, а ритм, который заставляет дрожать каждый нерв:

— Спасибо!

— Спасибо, предводитель!

— Какая-то она худая...

— На один раз хватит...

— Я первый!

— Эй, в прошлый раз ты первым был!

Каждое слово — как удар топора по кости. «Я первый!» — кричит кто-то, и тут же — насмешливый ответ: «В прошлый раз ты первым был!» — будто кто-то уже пользовался мной, а теперь снова. И это — не просто оскорбление, это — подтверждение того, что я — не личность, а предмет, который можно использовать, снимать, возвращать, снова использовать. Я — не человек. Я — объект.

Глаза закрыты. Но перед глазами — картина: толпа, которая тянется ко мне, как к куску мяса на вертеле. Я вижу, как руки, покрытые грязью и мозолями, тянутся ко мне. Я чувствую, как кто-то уже касается моей щеки, как будто проверяет, не живая ли я. А потом — удар, и боль, и обморок, и снова — толпа, и смех, и крики: «Да здравствует Альфа!»

И тогда — ужас. Он не просто кружит голову. Он — заставляет меня упасть. Я понимаю: это не сон. Это не кошмар. Это — реальность. И я — часть этой реальности. И я — уже не я. Я — то, что можно отдать. То, что можно съесть. То, что можно забыть.

Нет! Не может быть! Это — просто кошмар! Я — не то, чем я была. Я — не то, чем должна быть. Я — не то, чем должна быть!

Но — если это не кошмар, то что же это?

Кто-то тянет ко мне свои грязные руки — липкие, обветренные, с облезлыми ногтями, будто вытаскивающие меня из чьей-то могилы. Я дергаюсь, вскрикиваю, сжимаюсь в комок, словно пытаюсь уменьшиться до размеров мелкой дрожащей мыши, и откатываюсь в сторону альфы — крепкого, уверенного в себе, с глазами, полными неприязни и страха. Тот брезгливо отталкивает меня ногой, будто я кусок мусора, — и я падаю, ударяясь спиной о ледяной камень, от которого в жилах мгновенно застывает кровь. Холод проникает сквозь ткань куртки, будто пальцы мёртвых.

Кто-то хватается меня за плечо — с такой силой, что кость будто бы трещит, — и начинает тянуть по земле, цепляясь за одежду, за волосы, за шею. Мерзлые выступы скалы, обломки старых деревьев, обледеневшие корни — всё это терзает кожу, рвёт тонкую ткань рубашки, оставляя кровавые полосы. Каждый метр пройденного пути — как путь через ад. Чьи-то пальцы, холодные, как железо, внезапно сжимают мою грудь — не просто прижимают, а буквально вдавливают, щиплют за сосок, вызывая боль, от которой перехватывает дыхание, будто кто-то вырвал у меня сердце. Я кричу, но голос теряется в ветре, словно его просто нет.

– Нет! Не трогайте меня! Отпустите! Пожалуйста! Я не хочу! Я не хочу!

Пытаюсь вырваться, визжать, отбиваться, пытаюсь убежать — но силы не равны. Они — сильнее, жестче, безжалостнее. Я — дрожащая, обессиленная, запятнанная страхом. Мое тело уже не слушается — только рефлексy, только молитвы, только молчаливый крик души.

И вдруг — гул толпы, наполненный шепотом, хриплыми голосами, тяжёлым дыханием — прорезает раскатистое рычание. Оно не просто звучит — оно пронзает всё: воздух, плоть, кости. В воздухе мелькает тень — огромная, чёрная, как сгусток ночи, — и передо мной появляется огромный чёрный волк. Его глаза — как раскалённые угли, в них — не просто звериная ярость, а что-то большее — разум, воля, древняя сила. Он стоит, расправившись, как живой щит, и его тень накрывает меня, будто плащ из тьмы.

Голоса моментально стихают. Все, кто только что издевался надо мной, кто тянул, толкал, рвал, — замерли. Даже ветер замер. И тогда — меня наконец отпускают. Руки, сжимавшие моё плечо, упали. Пальцы, щипавшие грудь, исчезли. Я лежу, дыша, дрожа, как лист, — но уже не один. Я — под защитой.

– Адриан?! – в оглушающей тишине, словно из другого мира, звучит шокированный голос альфы. Он смотрит на волка, будто видит призрака, будто не верит своим глазам.

Его голос дрожит, как у ребёнка, увидевшего своё прошлое.

Черный волк покрывается дымкой — тонкой, серебристой, будто туман, поднимающийся с земли. Кожа его, казавшаяся жесткой, как броня, мягко меняет форму. Кости смещаются, мышцы перестраиваются, волосы вырастают, тело обретает человеческие очертания. И вот уже передо мной — мужчина. Тот самый. С теми самыми глазами — тёмными, глубокими, с оттенком задумчивости, будто он смотрит не на меня, а сквозь меня. С лицом, которое кажется вырезанным из камня, но в котором — трепет, усталость, и что-то странное... почти любовь.

Я ошарашенно смотрю на него, не понимая, как такое вообще возможно. Что это — магия? Слияние с природой? Проклятие? Судьба? Я ведь не верила, что такие вещи существуют. Я не верил, что кто-то может быть одновременно и человеком, и волком. Что кто-то может прийти — не спасать, не защищать, а именно — быть.

Видимо, мой мозг решает, что на сегодня потрясений достаточно. Он не выдерживает — ни физически, ни морально. И в следующий миг, когда тень волка всё ещё лежит на мне, а голос альфы звенит в ушах, — тьма милосердно забирает меня в свои объятия. Я больше не чувствую холода, не слышу криков, не вижу лица, которое пугало меня. Я просто падаю

— не телом, а душой — в бездонную, тёплую, безмолвную пустоту, где нет боли, нет страха, нет никого, кроме одного — тишины, которая наконец-то стала моим другом.

Первое, что вижу, когда прихожу в себя, — это черные макушки деревьев, теряющиеся в бескрайнем ночном небе, усыпанном россыпью ярких, будто выжженных изнутри звезд. Они мерцают, как древние символы, высеченные в ткани Вселенной, и кажутся столь же неприступными, сколь и загадочными. Воздух — холодный, пронизывающий, с легким оттенком хвои и влажной земли, будто ночь только что выдохнула последний свой вздох. Меня снова куда-то несут — но уже не швыряя, не роняя, а бережно, осторожно, словно дитя, которое не хочется уронить даже в самый сильный шторм. Я лежу на руках, прижатая к теплой, твердой груди, и чувствую, как бьется сердце — ровно, мощно, будто говорит: «Ты жива. Ты здесь. Ты в безопасности».

Вырваться не пытаюсь — слишком слаба, слишком растеряна. Даже мысль о том, чтобы попробовать встать, вызывает панику: тело будто превратилось в мокрую тряпку, мышцы отказывают, а мозг, кажется, заполнен ватой. Я просто лежу, закрыв глаза, и слушаю — слушаю, как дышит тот, кто меня несет. Слышу шум ветра в верхушках сосен, поскрипывание сучьев, далекий, почти незаметный крик совы. А потом — и тут же — знакомое лицо. Оно появляется перед глазами, как будто вырезано из темного дерева, с резкими чертами, но при этом — удивительно мягкое. Адриан. Он тот самый, кто

умеет превращаться в волка. Я видела его в таком обличье — огромного, с шерстью, как у бури, с глазами, горящими огнем, — и тогда мне было страшно. Но сейчас он рядом, человек, и его лицо не вызывает у меня ни ужаса, ни отвращения. Напротив — какое-то странное чувство покоя, будто он — часть моей жизни, хотя мы едва ли когда-либо говорили.

Он пахнет потом — сильным, мужским, как будто только что пробежался по лесу, — и костром — дымом, смолой, сожженной древесиной. Это не запах грязи или пота, а что-то большее — как будто сама природа, впитавшая в себя его тело, излучает этот аромат. И странно, но этот запах не вызывает отторжения. Напротив — он успокаивает, будто говорит: «Я здесь. Я твой. Я — твой защитник». Я чувствую его тепло сквозь ткань куртки, и мне становится легче. Даже если бы он был волком, я бы не испугалась — потому что он — Адриан. И я знаю: он не причинит мне вреда.

Слышу отдаленный гомон голосов — тихий, еле уловимый, будто кто-то шепчет у костра. Голоса перекликаются, звучат по-разному — кто-то смеется, кто-то что-то объясняет, кто-то поет старинную, почти забытую песню. Мы всё ещё в лагере. Но слово «лагерь» звучит теперь странно — слишком воинственно, слишком армейски. Лучше сказать — общинный котел, где люди живут вместе, не подчиняясь никаким законам, кроме своих собственных. Здесь нет начальников, нет распорядков, но есть своя иерархия — по опыту, по уважению, по способности выжить. Это не поселок, не де-

ревня и не тюрьма. Это — нечто большее. Это — община, где каждый — часть чего-то большего, чем просто человек. Кто-то живёт в шалашиках из веток и палой коры, кто-то — в домах из старых деревянных бочек, кто-то — в пещерах, укрытых мхом. И каждый вечер, когда солнце скрывается за горами, они собираются у костров, делятся едой, рассказывают истории, молятся природе. Их мир — не из книг, не из новостей, а из памяти, из уст, из огня, который не гаснет.

Сложно подобрать точное слово. «Община» — ближе всего. Но даже оно — не совсем. Это не утопия, не рай, не арена выживания. Это — место, где люди живут не для того, чтобы выжить, а чтобы быть. Жить — значит дышать, смотреть в глаза друг другу, делиться теплом, знать, что ты нужен. И, возможно, именно поэтому я не боюсь быть в его руках. Потому что здесь — не страх, а связь. И я — часть этой связи.

— Куда вы меня несете? — спрашиваю с осторожностью, чувствуя, как в горле пересыхает от напряжения, а пальцы невольно сжимаются в кулаки, словно пытаюсь удержать хоть какую-то опору в этом непонятном, неподконтрольном мире. Он молчит — только шаги его по бетонному полу звучат ровно, будто метроном, отмеряющий время, которое я не могу оценить. Он идёт вперёд, спиной ко мне, плечи — широкие, напряжённые, как у человека, вынужденного нести тяжесть, которую не должен был бы нести. Его взгляд устремлён прямо перед собой, словно он и правда не слышит вопроса, но, может, просто не хочет отвечать. А может, уже

давно не слышит — в голове мелькает мысль: не потерял ли он способность воспринимать мир, как обычный человек?

Память, как верный, но беспокойный слуга, немедленно возвращается к последним секундам до обморока — острая боль в виске, шум в ушах, хруст кости, ощущение, что кто-то резко ударил по голове, а потом всё поплыло, как будто мир сжался в крошечную точку, и я провалилась в чёрную пропасть. Я вспоминаю, как падала, как в последний раз видела свет — тусклый, желтоватый, от старой лампы на потолке. А теперь — тишина, холодный пол, дрожащее дыхание, и, главное — ничего не болит. Ни шея, ни голова, ни рёбра. Никаких ссадин, никаких внутренних повреждений. Это странно. Это слишком странно. Если бы меня избивали, я бы, по крайней мере, чувствовала боль. А тут — ни синяков, ни порезов, ни даже следов крови. Даже одежды нет. Я — голая. Совершенно, абсолютно голая. И это не просто неудобно — это пугающе. Как будто кто-то снял меня с кожи, как снимают с тела одежду, не оставив и следа. Или... я вообще не существую в этом мире — только тень, которая не может быть прикрыта.

– Как долго я была без сознания? – уточняю я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, но в голове уже крутятся тревожные мысли: не прошло ли уже суток? Не была ли я в коме? А может, это просто минуты? Пять? Десять? Или — ужас — часы? Я не знаю. Не могу определить. Всё, что остаётся — это его голос, его тело, его шаги. И его лицо.

Он оборачивается. Наконец. Глаза — тёмные, будто поглотившие свет, взгляд — усталый, измождённый, как у тех, кто давно не спал, кто не знает, где кончается ночь, а начинается день. Он смотрит на меня — долгим, тяжёлым взглядом, словно оценивает, жив ли я ещё, или уже умерла, но кто-то забыл убрать тело. И, наконец, произносит:

— Недолго.

Голос — низкий, хриплый, будто вырезанный из камня. Он проникает сквозь кожу, застаивает дыхание, и, как будто, вливается в живот, вызывая странное, тянущее ощущение — не боль, а что-то вроде внутреннего сжатия, как будто что-то внутри меня неожиданно застыло. Я не могу понять, что это — страх, тревога, или что-то большее. Может, это реакция на его слова. А может — на его лицо. Перед тем как он снова отворачивается, я замечаю — на его лице несколько свежих ссадин. Одна — на скуле, как будто оцарапало о бетон. Другая — на подбородке, почти не кровоточащая, но видно, что только что. А ещё — шрам, еле заметный, на виске, тянущийся по волосам. Словно он сам когда-то прошёл через то же самое. Или — нечто похожее. И, возможно, это не просто следы — это признаки борьбы. Или — усталости. Или — того, что он тоже был в беде.

И в этом моменте я понимаю: он не просто несёт меня. Он — выживший. Или — тот, кто выжил. А я — то, что он несёт. Не для себя. Не ради себя. А потому что не может оставить. Или потому что не может убить. Или — потому

что я — часть чего-то большего. Или — просто потому что я жива. И он — тоже.

Облегченно выдыхаю, собираясь с мыслями, — каждый вдох кажется тяжёлым, будто воздух внутри меня не просто тяжелый, а пропитан пеплом и страхом. Он ведь помог мне — спас от толпы насильников, сбив их с ног, резко, будто призрачный удар из тьмы. Но зачем? Зачем ему было рисковать, выходить на улицу, становиться мишенью для ярости тех, кто, казалось бы, уже добил меня? Вряд ли он сделал это по доброте душевной, по милосердию или жалости — такого, как у него, не бывает. У него есть цель. У него есть своя, личная причина, и, скорее всего, она связана со мной.

Но что?

«То же, что и другим», — раздаётся в голове чужое, будто чьё-то шепотом сказанное, и это словно раскалённый нож, вонзающийся в мозг.

Господи, да что ж это за игра такая? Кто он? Кто эти «другие»? Зачем мне это нужно?

Неприятная догадка царапает сознание, как осколок стекла, медленно врезающийся в кожу. Липкий, тяжёлый страх расползается внутри, окутывая тело, словно тонкая плёнка,

пропитанная влагой и отчаянием. Казалось бы, я жива — но живая ли я, если каждый мой шаг, каждый вдох, каждый взгляд на мир теперь пропитан подозрением?

Голова идёт кругом — не только от мыслей, но и от духоты. Здесь, в этом заброшенном, полуразрушенном помещении, царит жара, словно внутри печи. Воздух въедается в лёгкие, не давая дышать. Пахнет гарью, старыми тряпками, чем-то горелым и прокисшим — как будто здесь когда-то кипятили нечистоты, а потом бросали на пол, не вымыв.

Подхожу к лавке — криво сколоченной, с потрескавшейся краской, покрытой пылью и пятнами. Рассматриваю утварь: три чашки, одна из которых — с комками мутной, тягучей субстанции, похожей на высохшую слизь, смешанную с остатками чего-то похожего на жир. Что это? Кто это оставил? Может, кто-то пытался пить, но что-то пошло не так... Или это просто отбросы?

Склоняюсь, чтобы понюхать — и нос щиплет от едкого, прогорклого запаха, будто вдыхаешь дым от сожжённого мяса. Фу!

Остальные две чашки — пусты. Ни капли. Ни следа. Как будто их использовали только для вида, чтобы показать, что здесь кто-то жил. А рядом — три тряпки, сваленные в ку-

чу. Выглядят они грязными, обвисшими, с пятнами, которые, возможно, не выстирались. На них — следы, похожие на отпечатки пальцев, или что-то более странное... Не трогаю. Ни за что. Даже прикоснуться — и мне будет казаться, что я снова чувствую чужие руки.

А вот в ведре — вода. Настоящая, прозрачная, хотя и не блестящая. При таком скудном освещении, едва пробивающемся сквозь разбитое окно, трудно определить, чиста ли она. Но она — тёплая. Слишком тёплая для такой погоды, словно её недавно нагрели на огне.

Помыться и правда нужно. Не ради приказа того мужчины, не ради его требований, не ради чистоты — хотя о ней я тоже думаю, как о почти мечте. Прежде всего, мне нужно избавиться от чужих прикосновений. Смыть их с кожи, с волос, с ногтей, с лица. Смыть — и, может быть, тогда станет чуть легче. Смыть — и, может быть, останется хоть какая-то надежда, что я всё-таки не стала частью этой системы, не стала частью его игры.

Я не хочу быть куклой. Я не хочу быть вещью. Я — человек.

И всё же...

Когда я опускаю руку в воду — она не холодная, не тёплая, а... живая. Как будто вода помнит, кто в ней был раньше. И я чувствую, как кожа начинает дрожать, будто от страха, а не от холода.

Я не знаю, кто он.

Я не знаю, зачем он спас меня.

Но я знаю — я должна выжить.

Иначе — я стану тем, кого он хочет видеть.

Тем, кого он уже давно готов.

Первым делом умываюсь — ладони омываю холодной водой из крана, словно проверяя, не обманула ли меня тишина утра. Потом беру одну из пустых чашек, изготовленных из глины, с тонкими изъёмами на краю, — они, как и всё в этой избе, выглядят простовато, но служат верой и правдой. Зачерпнув воду из ведра, стоящего у порога, с улыбкой на губах, я поливаю себя — сначала снизу, по ногам, потом по бокам, как будто стираю с себя зимнюю пыль. Вода, тёплая, но не горячая, скользит по коже, оставляя после себя лёгкое ощущение прохлады, будто кто-то провёл по телу влажным мешком. Щели в полу, где раньше заселились трещины, впитывают воду, как губка, и тут же исчезают, будто их и не бы-

ло. Может, это и есть примитивная, но настоящая баня — без парилки, без двери, только солнечный свет, что пробивается сквозь запотевшее окно, и душ, который приходит не из крана, а из ведра и камней.

Дверь вдруг распахивается с треском, будто её кто-то резко вышибил. Врывается морозный воздух, несущий с собой запах хвои, дыма и чего-то древнего — будто сама природа ворвалась в дом. За дверью появляется он — мой «спаситель», как я его теперь называю в мыслях. В руках — всё то же ведро, но теперь оно до краёв наполнено водой, почти до самого края, и, кажется, даже немного шевелится от тяжести. Он стоит, не снимая шапки, смотрит на меня взглядом, в котором — и тревога, и лёгкая усмешка, будто знает, что я уже не одна такая, кто пытается обойтись без чистки.

Он окидывает меня быстрым, пронизывающим взглядом — словно оценивает, насколько я испачкана, насколько нужна помощь. Потом, не говоря ни слова, ставит ведро на плиту, как будто это обычная посуда, и шагает к очагу. Там, в глубине, горят уголья, а поверх них — камни, потемневшие от времени, с трещинами, как у старых костей. Он берёт их руками — голыми, без перчаток, без страха, будто эти раскалённые куски — всего лишь деревянные палочки. И вдруг, с лёгким хрустом, бросает их в ведро. Вода мгновенно начинает шипеть, бурлить, вздыматься пеной, выбрасывая вверх плотные струи пара. От этого взрыва пара мне становится душно, но не от жары — от того, что я впервые в жизни вижу,

как кто-то делает это так... естественно. И почему-то мне кажется, что ему совсем не больно. Никакого жжения, никакого дрожания — только тихий шепот камней, которые, кажется, сами по себе говорят: «Мы уже были здесь, мы знаем, что делать».

— Почему ты ещё не помылась? — в сознание врывается его хриплый голос, будто из-под земли. Он говорит резко, но не грубо — скорее, с тревогой, будто я нарушила какую-то древнюю традицию. Я хочу что-то возразить, но слова застревают в горле, как кость, которую невозможно проглотить. В следующую секунду он шагает ко мне — медленно, уверенно, словно знает, куда идти. Его шаги по земляному полу — тяжёлые, но аккуратные, как удары сердца.

— Повернись, — командует он, и я подчиняюсь. Поворачиваюсь к нему спиной, чувствуя, как кожа покрывается мурашками — от страха, от неожиданности, от того, что я снова в его власти, но уже не как пленница, а как та, кого нужно очистить.

Он подходит к лавке, где лежит старая, потрёпанная тряпка — она уже не ткань, а скорее сгусток, покрытый пятнами, похожими на следы от земли и масла. Он берёт её, опускает в чашку, где плавает тёмная, зловонная жидкость — отвар коры, трав, соли, может, даже мочи, что-то, что пахнет так, будто его готовили годами. Затем, с усилием, начинает тереть меня — не по коже, а по телу, будто стирая с него не только грязь, но и прошлое. Каждое движение — резкое, но

не жестокое. Он не спешит, но и не теряет ни секунды. Каждая черта его лица — от шрама на скуле до бороды, слегка посеревшей от дыма — говорит о том, что он не просто человек, а тот, кто живёт по другому календарю — не по дням, а по смене времён года, по мере накопления грязи, по мере того, как тело требует очищения.

Я чувствую, как под тряпкой что-то сдвигается, как будто внутри меня что-то разжигается — не боль, а что-то большее. Очищение. Не просто телесное, а... внутреннее. И, может быть, именно это — настоящая баня. Не в парной, а в этом пространстве между мной и ним, между холодом и жаром, между тем, кем я была, и тем, кем стану.

Жесткая ткань, будто наждачная бумага, оставляет по коже едва заметные, но ощутимые полосы — резкая боль пронзает плечо, заставляя вздрогнуть. Шумно втягиваю воздух сквозь стиснутые зубы, морщусь, прикусываю нижнюю губу, чтобы не застонать от жгучей боли, — от этого звука, от его хрипловатости, от того, как тело вспыхивает огнём, словно каждый нервный окончание кричит от обиды. Кожа горит, будто её только что вытащили из печи, и даже дыхание кажется слишком тяжёлым, чтобы вынести это без дрожи.

Когда спина и плечи уже горят огнём, как будто на них сожгли тонкий слой кожи, я снова слышу его голос — резкий, повелительный, без лишних слов:

– Повернись.

Я медленно поворачиваюсь, ощущая, как мышцы с тру-

дом подчиняются приказу, будто всё тело ещё не остыло после предыдущего сеанса. Импровизированная мочалка, сжатая в его руке, снова проходит по ключицам — тяжёлая, влажная, с неприятным запахом старой ванны и незамытой грязи. Каждое движение — как бич по коже, мелкие порезы, ожоги, резь, от которой хочется закрыть глаза и уйти в себя. Но я не могу. Я должна выдержать.

– Дальше я сама, – пытаюсь возразить, но голос дрожит, как лист на ветру, – я не уверена, что справлюсь...

Он хмыкает — коротко, саркастично, как будто я только что сказала что-то настолько наивное, что даже смешно. Его рука сжимает мою ладонь, вкладывает в неё мокрую тряпку, и он отступает — на шаг, на два, будто даёт мне пространство, чтобы действовать, но при этом остаётся рядом, наблюдает, как я двигаюсь, как дышу, как терплю.

Я зачерпываю ещё немного вонючей субстанции — тёмной, липкой, с примесью остатков мыла, засохших волос и чего-то, что, наверное, когда-то было едой. Всё это — результат недели, проведённой в бегах, в грязи, в холоде, в непрерывной борьбе за выживание. Теперь это — мой инструмент очищения. Аккуратно, стараясь не нанести вреда, размазываю смесь по груди, по животу, чувствуя, как кожа реагирует — то жжёт, то щиплет, то просто напрягается от ощущения чужого прикосновения. Глаза невольно скользят в сторону мужчины — проверяю, не смотрит ли он на меня.

Вопреки ожиданиям, он не смотрит. Его взгляд уходит в

сторону, будто он не замечает моих движений, не замечает меня. Он берёт другую чашку, опускает её в ведро, наполняет водой из второго — той самой, что была вначале, той, что уже побледнела от грязи, но всё ещё течёт. Струйка воды струится по его телу — крупному, мускулистому, покрытому шрамами, следами от ударов, ожогов, ссадин. Мощное тело, словно выточенное из камня, с рельефными мышцами, которые даже в покое кажутся живыми — дышащими, пульсирующими. Вода стекает по спине, по бёрам, оставляя блестящие полосы, и я невольно задерживаю взгляд — впервые за долгое время чувствую, как сердце начинает биться быстрее, как будто внутри что-то щёлкнуло.

Он тут же перехватывает мой взгляд — резко, как будто угадал, что я смотрю. Глаза его — тёмные, глубокие, безжалостные. Он не улыбается, не смеётся, не делает вид, что ничего не происходит. Он просто смотрит — и от этого смотреть становится ещё тяжелее.

Щеки горят, будто их обожгли. Я отворачиваюсь, будто от укуса, и возвращаюсь к своему занятию — к мокрой тряпке, к грязи, к телу, которое надо очистить, но не от грязи, а от всего, что накопилось внутри. От страха. От страха быть забытой. От страха быть убитой. От страха быть тем, кем я стала.

Должна признать, что, несмотря на противный запах — едкий, будто из старого бочки с кислым молоком, смешанный с привкусом гнили и чего-то химического, — суб-

станция действительно хорошо мылится. Пузыри образуются быстро, густо, плотно обволакивая кожу, словно тёплый мыльный туман. Наношу её на оставшееся тело — на руки, плечи, спину — и начинаю тщательно смывать, вода руками по коже, стараясь не потерять ни капли. Вода в ведре быстро заканчивается, её и так там было совсем немного — еле-еле покрывает дно, да и та — мутная, с жёлтыми разводами. Смывая, я чувствую, как тело постепенно освобождается от грязи, но часть «мыла» остаётся — липкая, тягучая, почти как желе, — и не смывается полностью. Она ложится тонким слоем на кожу, оставляя ощущение влажности, чуть жирноватости, почти как после нанесения масла.

«Наверняка потом будет щипать и чесаться, — думаю я, — особенно на руках и в складках. А может, ещё и раздражение появится. Но что поделать — не вымыться, значит, не вымыться». Возвращаю пустое ведро на лавку — деревянная поверхность давно уже обветшала, на ней — следы старых пятен, крошащиеся осколки, а у самого края — кольцо, где когда-то стояла бочка. Краем глаза замечаю, как мужчина, стоявший у края, скользит по мне изучающим взглядом — медленно, оценивающе. Его глаза останавливаются на моих руках, потом — на шее, потом — на спине, где кожа уже почти вся вымыта, бледная, влажная, с лёгким розовым отливом от воды. Он делает шаг вперёд, наклоняется, схватив за край ведра — и щедро, почти с размахом, выливает остатки своей воды прямо на меня. Вода бьёт по телу, обжигая, льёт-

ся по спине, стекает по ногам. Я машинально вскрикиваю, сжимаю кулаки, но не отступаю — просто стою, как вкопанная, ощущая, как холодное обжигает кожу.

— С-спасибо, — негромко говорю я, стараясь не смотреть на него, хотя внутри всё сжимается. Голос дрожит, словно я только что вышла из воды, но не той, что в ведре, а из глубокого, не до конца понятного страха. Он подходит вплотную — его тень падает на меня, он стоит так близко, что я чувствую его дыхание, его тепло, его тень. Он наклоняется, ведёт носом по моей шее — осторожно, почти ласково, будто пытается что-то унюхать. От этого движения у меня по коже пробегает дрожь, мышцы напрягаются, я обнимаю себя руками, будто защищаясь от чего-то невидимого. Делаю шаг назад — и тут же понимаю, что это бессмысленно. Мы одни. Здесь, в глухом уголке заброшки, за деревянной лавкой, за старыми досками, за пыльными бочками, — никого. Он сильнее, выше, шире, сильнее, чем я. Если захочет взять меня прямо здесь и сейчас — в этом тихом, заброшенном пространстве, где никто не услышит, не увидит, не поможет — ничто не сможет ему помешать. Даже мой страх, даже сопротивление.

Он хмыкает — коротко, саркастично, как будто что-то подтверждает. Затем берёт с лавки сухую, потрёпанную тряпку — тёмную, с пятнами, с обрывками ниток, — и начинает обтирать меня. Сначала — спину, потом — руки, потом — шею. Движения резкие, почти жестокие, но при этом —

с какой-то странной аккуратностью. Он не спешит, не торопится, словно проверяет, как я выгляжу после воды, какая у меня кожа, как она реагирует. Я снова пытаюсь взять тряпку — протягиваю руку, стараясь дотянуться, но он резко отводит свою — с такой силой, что я чуть не теряю равновесие. Его пальцы, сильные, с обломанными ногтями, словно вцепаются в мою ладонь, а потом отводят — не жестоко, но точно, как будто говорят: «Ты не туда тянешь. Я — здесь, и я решаю, что делать дальше». Я замерла, не дыша. В голове — пустота, но внутри — буря. Он смотрит на меня, не отводя взгляда, и я вижу в его глазах не просто равнодушие, а что-то большее — ожидание, проверку, возможно, даже наслаждение.

Его молчание напрягает — оно не просто тишина, а тяжёлый, насыщенный смыслом паузой, будто он держит в себе целую бурю, медленно разворачивающуюся в моём сознании. Он смотрит на меня, не отводя взгляда, и в этом взгляде — холодная, почти жестокая выдержка, словно он уже давно продумал каждый мой жест, каждый жест её тела, каждый шаг. Я чувствую, как внутри меня что-то сжимается — не столько от страха, сколько от ощущения, что я не в своей власти, что моя воля тут же, как и моё тело, становится частью его игры, в которую он играет без правил.

Я машинально прижимаю руки к груди, будто защищаясь от чего-то, что ещё не произошло, но уже присутствует в воздухе. Голову опускаю вниз, к плечам, словно хочу стать неви-

димой. Мне хочется, чтобы он понял: я не желаю его прикосновений. Я не хочу, чтобы он трогал меня. Но, кажется, ему всё равно. Он не спрашивает, не уточняет, не останавливается. Он просто продолжает — как будто я не человек, а предмет, с которым можно обращаться, как ему угодно.

Сухая, потрёпанная ткань снова скользит по моему телу — лёгкая, почти незаметная, но оставляющая след: кожа мгновенно покрывается морозным ознобом, будто её только что вытерли холодной водой. Влага уходит, оставляя ощущение пустоты, нехватки, чего-то важного, что было утрачено. И мне остаётся только ждать — ждать, пока закончится эта изощрённая пытка, ждать, пока он наконец отпустит меня, или, наоборот, — когда всё-таки произойдёт то, чего я так боюсь.

Он тщательно вытирает мои плечи — каждый сантиметр, как будто я — драгоценный артефакт, который нужно бережно очистить от любого следа. Его пальцы, сильные и уверенные, двигаются по коже, словно оставляя на ней невидимые следы. Затем — живот. Он не торопится, не спешит. Каждое движение — с расчётом, с намерением. Он знает, как дрожит кожа, как реагирует тело на лёгкое прикосновение, какое напряжение скапливается в мышцах, когда ты пытаешься не дать себе выдать себя.

Потом — спина. Он обходит меня сзади, и я чувствую, как его тело приближается, прижимается к моему, хотя сам он не касается меня — только ткань. И тут я вижу, как его

член, словно живой, наливается кровью, набухает, вытягивается, становясь тяжёлым, почти неподвластным контролю. Я закрываю глаза — не потому что хочу убежать, а потому что не могу больше смотреть. Не могу видеть, как его тело, его желание, его власть — всё это сосредоточено во мне, вокруг меня, в этом мгновении.

Сердце начинает биться в груди, будто хочет вырваться наружу. Каждый удар — как удар по барабану в пустой комнате. Живот сжимается от страха — не просто от страха, а от того, что это ощущение, что всё, что я чувствую, — это только начало. Что он может сделать со мной, что-то, чего я не могу предсказать, не могу остановить. Неужели это случится прямо сейчас? Здесь? В этом мгновении, когда я стою, прижав руки к груди, а он — за спиной?

Тряпка исчезает. Просто — уходит. И в следующий миг — резкий, глухой рык, будто из глубины его тела вырывается что-то неукротимое. Я не успеваю ничего понять — его руки уже обхватывают меня, подхватывают, как будто я ничего не весу, как будто я — всего лишь кусок ткани, который можно унести с собой. Меня выносят на улицу — и в тот же миг, как только я попадаю в морозный воздух, — меня охватывает дрожь. Лёгкие хватают воздух, будто я долгое время пряталась под водой. Кожа вздрагивает, мурашки ползут по телу, оставляя после себя холод. В голове мелькает странная, почти абсурдная мысль: *А ведь он ещё не обсох, а уже выносит меня — значит, он не просто тело, а нечто большее...*

Но размышлять не успеваю — через секунду я снова оказываюсь в каком-то помещении.

Здесь просторно — потолки высокие, с деревянными балками, покрытыми старой, потрёпанной краской. Окна большие, с тяжёлыми шторами, задёрнутыми на ночь. Справа — огромный камин, в котором пылают дрова, отражая огонь в стенах. Рядом — деревянный стол, покрытый трещинами, с кувшином воды и парой глиняных кружек. Напротив — возвышение, сложенное из шкур: оленьих, медвежьих, даже, кажется, волчьих. И на нём — лежит женщина. Абсолютно голая. Тело — мускулистое, сильное, с татуировками, которые, возможно, когда-то были символами, а теперь — следами прошлого. Её глаза — тёмные, острые, как ножи. Она сидит, привалившись спиной к стене, и вдруг — резко подсакивает, будто её только что разбудили.

— Адриан! — кричит она, и голос у неё — не просто возмущённый, а с оттенком страха, сожаления, обиды. — Что она здесь делает?

Меня резко опускают на холодный, каменный пол, от которого веет древним холодом, будто из глубин земли. Холод проникает сквозь кожу, заставляя содрогнуться, и я машинально прижимаю руки к телу, пытаюсь хоть немного укрыться от чужого взгляда. Отступаю в сторону — к очагу, где тлеют уголья, а дым от костра медленно струится по потолку, окутывая всё вокруг тревожной, дымной мглой. В комнате царит напряжённость, будто воздух уже не дышит, а просто лежит, тяжёлый и неподвижный.

Мужчина — Адриан — смотрит на меня, но не глазами, а чем-то другим: взгляд его проходит сквозь меня, как будто я — лишь тень, проецируемая на стену. Его глаза — как стальные лезвия, холодные, безжалостные, не вмещающие ни капли тепла. Он словно изучает меня, разбирая на части, — каждую черту, каждый жест, каждое движение. Потом поворачивается к гостье — женщине, что стоит у порога, будто застыла между двумя мирами.

— Зачем ты пришла, Минни? — спрашивает он, и его голос звучит так, будто его вырезали из камня — резко, резко, без эха, как будто сама тишина боится откликнуться.

– Я... – начинает она, но слова застревают у неё в горле. Она оглядывается, словно ищет спасения в тени, в углах комнаты, в чём-то своём — в прошлом, в воспоминаниях. Её взгляд блуждает по полу, по дверному косяку, по краю стола, но не встречает поддержки. Она явно не ожидала такого приёма. Её поза — напряжённая, будто она готова в любой момент броситься бежать, но не может — тело не слушается, словно застыло в панике.

А я вспоминаю — да, её знаю. Она была тогда с Адрианом, когда я только пришла в себя. Было ли это что-то большее, чем просто дружба? Или просто совпадение? Я не знаю. Но сейчас — она здесь, в его доме, в его пространстве, и это — как вторжение.

– Я принесла твою одежду, – наконец говорит она, и голос её дрожит, как утром на льду. Она машет рукой в сторону входа, где, вероятно, лежит корзина или пакет — что-то, что она принесла. – Думала, ты вернёшься один и... понадобится.

Она не договорила. Но я вижу — она думала, что он вернётся. Что она — его. Что этот дом — их дом. Что он вернётся, и она будет ждать у камина, как когда-то. Что она — часть его жизни. Но теперь — всё иначе.

– Хорошо, – отвечает Адриан, и в его голосе — ровная, почти механическая ровность, как будто он просто констатирует факт. – Теперь уходи.

Пауза наступает мгновенно — тяжёлая, гнетущая, будто кто-то встал на шею. Всё вокруг будто замерло. Даже огонь в камине перестаёт трещать. Дым не уходит — он висит, как тень, и кажется, будто сама комната дышит в такт её сердцебиению.

Женщина смотрит на него — глаза полны страха, растерянности, боли. Взгляд её — как у тех, кто только что увидел, что его любовь — это иллюзия. Она не плачет. Но я вижу, как её пальцы сжимают край пледа, который она держит в руках, — белый, тонкий, с вышитыми узорами, как будто он когда-то был подарком. Она — не та, что была. Её уверенность исчезла. Ушла. Осталась только дрожь в голосе, в руках, в глазах.

– Но... — она запинаясь, словно пытается вспомнить, кто она. Кто была. Кто могла бы быть. — Я же здесь живу. Мы же... мы...

Она произносит «мы» — как будто это — целая история. Как будто они жили вместе, делили кров, думали о будущем, смеялись у костра, говорили о детях, о доме. Как будто это

— их дом. Как будто она — часть его. Но Адриан не слышит. Он не хочет слышать.

— Нет, — говорит он, и в этом слове — окончание. Не "не сейчас", не "не сегодня", а именно — "нет". Как приговор. Как удар.

И тут — шаг. Он делает шаг вперёд. И от этого шага женщина — будто подпрыгивает, отступает. Её голова опускается, будто её сжимает невидимая рука. Она не может посмотреть ему в глаза. Она не может сказать больше ничего. Она — не та, кем была. Она — не та, кем могла бы быть.

— Это мой дом, и я тебя сегодня не звал, — повторяет он, и слова падают, как камни, — тяжёлые, чёткие, без возврата.

А потом — голос, тихий, но пронзительный, как нож:

— Но, Адриан, — она снова пытается, — я ведь... я ведь...

Она хочет сказать — я ведь люблю тебя. Я ведь ждала. Я ведь не хотела уходить. Но слова застревают. Они не могут выйти. Ибо любовь — не то, что можно требовать. А любовь, которую забыли — не то, что можно вернуть.

Чувствую себя лишней, но уйти не могу. Мои волосы ещё

мокрые, капли воды медленно стекают с кончиков, оставляя на плечах тяжёлую, липкую пелену. Каждое движение — это боль, потому что тело дрожит от холода, пронизывающего до костей. Воздух в комнате влажный, сырой, как будто за окном — зимний ливень, а не тихий вечер в старинном особняке, где каждый камень хранит свои тайны. Я стою на коленях, прижавшись спиной к холодной каменной кладке, не смею пошевелиться, боясь нарушить мёртвую тишину, наступившую после слов. Я — часть картины, которую никто не хочет видеть, но которая, кажется, не может быть удалена.

Передо мной — лицо Минни. Оно искажено яростью, как будто кто-то выжимает из неё всю душу, оставляя только гнев. Губы плотно сжаты, глаза — как раскалённые угли, взгляд устремлён прямо в моё сердце. Я чувствую, как по коже пробегает лёгкая дрожь, — не от холода, а от того, что вижу в ней не просто обиду, а настоящую ненависть, выстроенную годами верности, любви и потерь.

– Пусть эта тоже уходит! – резко выпаливает она, словно выстреливает из пистолета. Её палец, длинный, как кремь, указывает прямо на меня, будто я — враг, который должен быть уничтожен. Даже воздух вокруг будто сжимается от этого жеста.

– Она останется здесь, – тихо, но твёрдо произносит Адри-

ан. Его голос — как каменная стена, непроницаемая, непоколебимая. Он стоит спиной к двери, огибая её своей фигурой, словно защищая что-то, что не может быть потеряно. Он не поворачивается, не смотрит на меня — его взгляд прикован к Минни, но в нём — не злоба, а усталость, глубокая, измождённая, как будто он уже прошёл через тысячу таких же сцен.

Минни замирает. На мгновение — и в её глазах появляются слёзы. Не от боли, а от горечи. От осознания, что всё, что было — исчезает. Она смотрит на Адриана, как будто пытается прочитать в его глазах что-то, что осталось незамеченным: любовь, благодарность, хоть что-то, что бы объяснило, почему она — последняя, кого он оставляет, а не первую, кого он увольняет.

Её рука медленно опускается, будто сброшена с небесного трона. Казалось бы, ничего страшного — но в этом движении — вся трагедия: она не может больше держать палец на мне, потому что больше не может быть тем, кем была. Она — не просто женщина, она — часть истории, часть его прошлого, часть его силы.

– Я была с тобой, хотя могла выбрать любого, – шепчет она, и в этом шепоте — весь её путь: тайные встречи, долгие поездки, ночи, проведённые у камина, когда он рассказывал

ей о своих снах, о страхах, о том, как боялся потерять контроль. Она была его опорой, его тенью, его голосом, когда он не мог говорить. И вот — теперь, когда он нашёл волка, — она не нужна.

— А теперь, когда ты обрел волка, — продолжает она, — ты просто выгоняешь меня?

Адриан поворачивается, наконец. Его взгляд скользит по мне — коротко, почти незаметно, но в нём — что-то большее, чем просто равнодушие. Может, сожаление. Может, вина. Но больше всего — усталость. Он не смотрит на меня, не произносит слов, но я чувствую, как внутри что-то трещит — будто хрупкая нить, которую уже нельзя поднять.

— Ты была со мной, потому что я брат альфы, — говорит он, и в этих словах — весь ответ. Он не говорит, что любил. Не говорит, что ценил. Он просто констатирует факт: она была рядом, потому что он — лидер, потому что она — часть его системы. Не по воле, а по необходимости.

— Уходи, Минни. Пока я не вышвырнул тебя силой.

Последние слова — как удар. Не грубость, а приговор. Она знает, что он не шутит. Он не станет сдерживаться. Он — альфа. Он — закон.

Женщина резко наклоняется. Её движения резкие, как

удар молота. С пола, где лежит меховая накидка — тёплая, тяжёлая, с отпечатками пальцев, словно кто-то только что ушёл, — она поднимает её, будто собираясь укрыться от мира. Накидка — не просто одежда. Это символ: она была частью его семьи, частью его мира. И теперь — она уходит, забирая это с собой.

На секунду её взгляд встречается с моим. Я вижу в нём — не страх, не презрение, а нечто гораздо более тяжёлое: обида, которая не уйдёт, даже если она будет жить десятилетиями. Взгляд — как лезвие, пронзающее душу. Я невольно съеживаюсь, прячу лицо за широкую мужскую спину — не потому что боюсь, а потому что не могу выдержать этой боли. Это не просто взгляд. Это — приговор.

Она выходит. Дверь хлопает так сильно, что по стенам пронеслось эхо. Кажется, сам дом вздрагивает. Воздух снова становится тяжёлым, как будто после ухода Минни в комнате осталась пустота — огромная, безымянная, необитаемая. Я — единственная, кто остался. Я — та, кого оставили. Я — та, кого не выгнали. Я — та, кто не знает, кто она. Кто я. И почему — именно я.

Адриан поворачивается ко мне и внимательно рассматривает — взгляд его, тяжёлый, как камень, медленно скользит по моему лицу, глазам, рукам, шее, будто пытаюсь прочесть что-то скрытое в этих чертах. В воздухе висит напряжённая,

почти физически ощутимая тишина, будто кто-то выключил свет в комнате, а мы остались в тёмном пространстве, где каждый вдох звучит громче, чем нужно. Я молча жду — не знаю, что будет дальше, не знаю, чего ожидать от этого странного человека, что явился ко мне словно из чьего-то сна, не объяснив ни откуда пришёл, ни зачем.

— Как тебя зовут? — наконец спрашивает он, и голос его звучит ровно, без эмоций, будто задаёт вопрос в опроснике, а не человеку, что только что очнулось в незнакомом месте.

— Марина, — негромко отвечаю я, словно боюсь, что даже это имя может нарушить хрупкое равновесие, которое и так кажется хрупким.

— Мар-ри-на, — повторяет он, словно пробуя имя на вкус, выговаривая каждую букву с паузой, будто проверяя, ложится ли оно в рот естественно. — Ты странно разговариваешь. Откуда ты?

Я на мгновение замерла. В голове — пустота. Ни воспоминаний, ни следов прошлого, кроме имени. Но я вспоминаю — я очнулась в маленьком домике, обнесённом старыми деревянными заборами, с затхлым запахом сырости и пыли, с единственным окном, за которым был только снег, белый и безмолвный. Я лежала на полу, завернувшись в старую

одежду, не помня, как туда попала, не понимая, кто я и что со мной случилось. И всё же — стоит ли говорить об этом? Может, он захочет отправить меня обратно? А вдруг там снова тьма, холод, и я снова потеряюсь в себе?

Я смотрю на него — на его руки, которые, кажется, слишком большие для тела, на мрачный взгляд, будто он знает больше, чем говорит. Он не смеётся, не улыбается, не делает движений, которые могли бы успокоить. Просто смотрит — и я понимаю: он не просто хочет узнать, откуда я. Он хочет понять, кто я.

— Я... я не помню, — говорю я, и это — чистая правда. Я действительно ничего не помню. Ни имени родителей, ни города, ни даже того, как выглядела моя жизнь до тех пор, пока не очнулась в том доме. Даже собственное тело кажется мне чужим — как будто я пришла сюда, как сон, который не закончился.

Адриан молча смотрит на меня, будто впитывает каждое слово, каждое колебание моих век. Его взгляд — не гневный, не жестокий, но и не добрый. Это взгляд того, кто ищет, что-то скрытое за внешностью. Он, возможно, не поверил — но не спорит. Просто кивает, словно подтверждая: «Ладно. Пусть будет так».

– Хорошо. Ложись в постель, – говорит он, указывая на возвышение из шкур, накиданных на пол, словно койку, сделанную из звериных шкур, покрытых пылью и пятнами, от которых пахло кожей, древесиной и чем-то тёплым, но незнакомым.

Я поворачиваюсь к нему взглядом, но не двигаюсь. Стою, обнимая себя руками, словно защищаю себя от холода, который, кажется, исходит не только от пола, но и от самого воздуха. Мне неуютно. Не потому что холодно — а потому что я чувствую себя обнажённой, даже несмотря на то, что на мне ничего нет. Я не могу спать голой. Это — не просто привычка. Это — чувство собственного достоинства, уважения к себе. Я не знаю, кто я, но уже сейчас понимаю: быть обнажённой — значит быть уязвимой, быть уязвимой — значит быть беззащитной.

– Можете дать мне какую-нибудь одежду? – наконец выдавливает я, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем чувствую.

Адриан на мгновение смотрит на меня, как будто не понимает, о чём речь. Потом вздыхает — тяжело, почти с раздражением.

– Зачем? – удивляется он. – Мы же будем спать.

– Я не привыкла спать голой, – настаиваю я, стараясь не терять спокойствия, не смотреть вниз, не опускать глаза, будто это — признак слабости. – Это важно. Я не могу... так.

Он смотрит на меня — впервые за всё время, как будто видит по-настоящему. В его глазах мелькает что-то — искреннее недоумение? Или, может, сочувствие? Но не успеваю я разобраться — он уже качает головой.

– Завтра что-нибудь поищу, – нехотя соглашается он, словно отказывается от чего-то важного, но вынужден. – А сейчас ложись.

Я молча киваю. Иду к возвышению, медленно, как будто шагаю по грани между двумя мирами. Кладу руки на шкуры — они тёплые, шершавые, с запахом, который невозможно назвать. Всё равно — это лучше, чем спать на голом полу. Ложусь, свернувшись калачиком, и закрываю глаза. Адриан стоит рядом, молча, смотрит на меня — не знаю, что он думает. Может, считает, что я сумасшедшая. Может, — что я опасна. А может, просто — что я чужая. Но главное — я здесь. Я жива. И, возможно, впервые за долгое время, я чувствую, что хоть что-то из моего прошлого — хотя бы это — существует.

Я вздыхаю и послушно подхожу к возвышению, где ещё

недавно лежала Минни — та самая, чьё тело, казалось, ещё не успело остыть, а её дыхание, наверное, растеклось по воздуху, как тонкий ароматный дымок. Невольно принохиваюсь, и мне кажется, что в воздухе до сих пор витает её сладкий, чуть терпкий запах — будто кожа, волосы, даже душа, пропитались чем-то личным, интимным. мех на шкурах, тёплый, пушистый, отягощённый памятью — пахнет ею, ею целиком, её теплом, её близостью с Адрианом. И от этого становится противно, тяжело, как будто я — не просто гостя, а нечто вроде замены, какая-то подстилка, на которую он укладывает свои желания, как будто я — просто очередной кусок кожи, который можно сбросить, не глянув.

— Я бы хотела спать в другом месте, — говорю я, глядя прямо в его глаза, рискуя разозлить мужчину, но не собираясь уступать.

— Что?! — в его голосе слышится раздражение, словно я только что нарушила что-то священное, нарушила ритуал, который, возможно, был важен для него. Он резко поворачивается, и в его взгляде — холодная, почти агрессивная усталость.

— Здесь плохо пахнет, — поясняю я, полностью игнорируя инстинкт самосохранения, потому что уже не могу терпеть этот запах — он впитывается в кожу, проникает в ноздри,

заставляет думать о том, как она здесь лежала, как он касался её, как она шевелилась под его руками. Я не хочу быть частью этой картины. Я не хочу быть памятником прошлому.

Шумно дыша, он подходит к постели, срывает шкуру одной резкой, почти агрессивной рукой, словно стирает следы. Затем несёт её к двери, молча, с ненавистью в движениях, и выкидывает на улицу — прямо в морозный вечер, где ветер уже начинает сдувать с неё пыль, а морозные капли растекаются по волокнам, как слёзы. Я вздрагиваю, вжимаю голову в плечи, ожидая, что сейчас меня вышвырнут на мороз вслед за той шкурой, что теперь лежит в снегу, как символ утраты, как напоминание о том, кто был раньше.

Но Адриан не останавливается. Он идёт к дальней стене — той, что дальше от входа, от двери, от улицы. Там, где свет лампы падает на полупрозрачный ковёр, а стены — покрыты старыми пятнами, будто кто-то пытался их скрыть. Он останавливается, смотрит на стену, будто вспоминает что-то, что не может выговорить. Потом поворачивается ко мне — и в его глазах, на мгновение, появляется не раздражение, а что-то другое: тень сожаления, или, быть может, усталость.

Я молчу. Я жду. Я понимаю, что это — не приказ, а попытка что-то изменить. Или, может быть, — просто попытка сохранить то, что осталось.

Он открывает большой сундук, который я почему-то не заметила раньше — тяжёлый, с железными полосами по краям, с замком, покрытым ржавчиной, но теперь он просто приоткрыт, будто кто-то давно уже достал оттуда своё. Внутри — пыль, запах древесины и чего-то древнего, почти забытого, как будто сундук пролежал в подвале век. Он протягивает руку, словно ощупью, и из глубины вытаскивает новую шкуру — тёмную, с густым, плотным мехом, чуть блестящим от света, как будто только что снята с животного. Шкура тяжёлая, живая, с запахом свежести, будто только что убито, но без следов крови или гнили — ни раздражающего, ни тошнотворного. Он бросает её на постель — прямо на старое, потрёпанное одеяло, которое, кажется, было когда-то белым, но уже давно стало серо-коричневым от времени и пыли.

– Застели, – отрывисто бросает он, не поворачиваясь ко мне, словно это приказ, а не просьба.

Я опускаюсь на колени, беру шкуру обеими руками, чувствуя, как холодный мех обжигает кожу, но уже через мгновение тело начинает его ощущать — как будто солнце, спрятанное в меху. Расправляю его с осторожностью, будто расправляю кусок ткани, которую когда-то соткала мать, — каждое волокно, каждый изгиб, каждый участок меха. Ни-

каких посторонних запахов — ни плесени, ни дыма, ни старой влаги. Видимо, шкура ещё не пользовалась, осталась нераспечатанной, как будто ждала своего часа. Я киваю себе — хорошо, что хоть что-то новое.

– Можно ещё одну? – прошу я, чуть сдерживая дыхание, потому что не понимаю, как буду спать голой, без одеяла, без покрывала, без защиты от холода, который, наверняка, проникнет сквозь стены.

Мужчина хмурится, поворачивается ко мне, смотрит так, будто я сказала что-то странное, — взгляд пронзительный, почти испытующий. Он не понимает, зачем мне ещё что-то. Может, ему кажется, что шкура — это и есть всё, что нужно. А может, он просто устал. Его лицо тут же меняется — губы стянуты, брови сдвинуты, глаза — как у хищника, готового к бою. Он смотрит на меня, не мигая, будто пытается прочитать мои мысли.

– Чтобы укрыться, – говорю я, стараясь говорить спокойно, мягко, — чтобы не мерзнуть. Чтобы было... удобнее.

Замечаю, как темнеет его лицо — не просто тень, а настоящая тьма, как будто что-то внутри него затвердело. Видимо, он устал уже возиться с моими просьбами, с моей неуверенностью, с тем, что я не могу просто принять всё как есть,

как он. Я вижу, как он сжимает кулаки, как его пальцы дрожат, словно он хочет что-то бросить, но сдерживается.

Адриан снова идет к сундуку, с той же резкостью, с которой двигался раньше — шаг, хлопок, удар по дереву. Он роется в глубине, как будто ищет нечто, что давно потерял. Движения резкие, рваные — он явно раздражён. Пыль поднимается клубами, ложится на пол, на его плечи. Наконец, он находит — какую-то ткань, завернутую в тряпку, скреплённую верёвкой. Вытаскивает, резко отбрасывает в мою сторону, будто бросает нечто ненужное.

– Спасибо, – негромко произношу я, беря ткань, чувствуя, как она падает на руки — тяжёлая, грубая, с неровными краями, местами вытертая, будто её уже использовали в поездке, в походе. Но главное — она плотная, толстая, как будто соткана из нескольких слоёв. Сшита из лоскутов разных цветов: серо-буро-зелёных, коричневых, тёмно-синих — каждый лоскут, как кусочек старого мира, как будто кто-то собирал одеяло из обломков былых вещей. Никаких вышивок, никаких украшений — только функционал.

Я разворачиваю «подарок» — и вижу, как ткань ложится на шкуру, словно второе покрывало. Ставлю ноги на пол, заворачиваюсь в неё, как в плащ, сначала — с одной стороны, потом — с другой, плотно, чтобы не было щелей. Подтяги-

ваю к себе колени, прижимаю их к животу, устраиваясь на краю импровизированной кровати — на шкуре, поверх старого одеяла, с укрытием из лоскутного полотна. Чувствую себя как будто в укрытии, как будто в пещере, где можно спрятаться от ветра.

Слышу, как Адриан ложится рядом — тяжело, с грохотом, будто его тело не хочет соприкасаться с воздухом. Он ложится не рядом, а чуть позади, почти на том же месте, где я, но немного дальше. Я напрягаюсь всем телом — не знаю, что будет дальше. Чувствую, как его дыхание сливается с моим, как будто мы уже не двое, а одно существо, раздвоенное.

– Придвинься ко мне, – звучит за спиной его низкий голос, чуть срывающийся, будто он сам не до конца уверен в необходимости этого приказа.

Понимаю, что лучше не спорить — он не просит, а требует. И я не хочу вызывать новую вспышку раздражения. Медленно, с трудом, сдвигаюсь на несколько сантиметров — к нему. Моя рука почти касается его плеча, но я не решаюсь прикоснуться. Он не двигается, не сдвигается — просто лежит, тяжело дыша, и я чувствую, как его тело начинает тёплиться. И тут же — как будто кто-то включил отопление. Холод уходит. Тишина. Только дыхание, только ткань, шуршащая под моим телом. И он — рядом. Не совсем рядом. Но

достаточно, чтобы я знала: я не одна.

— Ближе, — нетерпеливо озвучивает он, словно приказ, и, не дожидаясь моей реакции, притягивает меня вплотную к себе, будто пытаюсь втиснуть в себя, как плоть в тесный, непреклонный узел. Его рука опускается мне на талию — ладонь тяжёлая, горячая, почти обжигающая сквозь тонкую ткань хлопковой рубашки. Я чувствую каждый изгиб его пальцев, каждый миллиметр давления, словно он не просто касается, а вбирает меня в себя, удерживая в своей власти. Спиной я прижимаюсь к его груди — твердой, сильной, будто высеченной из камня. Каждое его дыхание — как удар по сердцу, ритмичное, тяжёлое, проникающее сквозь кожу, вгрызаясь в мышцы. Пытаюсь хоть немного отодвинуться, изогнуться, выскользнуть — но его рука не даёт сдвинуться, словно стальная петля, плотно стянутая вокруг моего тела.

— Ночью холодно, — снисходительно поясняет он, произнося эти слова с лёгкой насмешкой, будто объясняет ребёнку, что дождь — это не беда, а просто природное явление. — Не бойся. Я не трону тебя сегодня.

Но слова его звучат не утешительно, а скорее как предостережение, как предупреждение, подкреплённое тишиной, которая, казалось, только что обострилась. Сегодня? Его слова ничуть не успокаивают — они лишь усиливают напряжение, как будто он говорит: «Сегодня — нет, но завтра, может, и да». И в противовес сказанному чувствую, как твёр-

дый, горячий стержень его мужского достоинства, упираясь мне в поясницу, медленно, но неотвратимо нарастает, проникая в ощущения, как тень, охватывающая тело.

Подаюсь вперёд, стараясь сбросить его прикосновение, выйти из зоны его влияния, но он не выпускает — и тут же, едва заметно, приподнимает меня за талию, будто проверяя, насколько я уязвима. Слышу, как он шумно, глубоко выдыхает — резко, почти с облегчением, будто его тело само подталкивает его к чему-то, чего он пока не решается сделать.

– Если не перестанешь ёрзать, трахну тебя прямо сейчас.

Голос его звучит тихо, но каждое слово — как удар кнута по нервам. Замираю, будто замороженная. Каждое мышце в теле будто сжимается в кулак, пытаюсь не дать ни единого движения. Сердце колотится в груди, будто хочет вырваться наружу, бьётся в такт шуму в ушах, вспоминая каждый шорох, каждый звук, каждый жест. Закрываю глаза, пытаюсь успокоиться — но уснуть не получается. В голове — тьма, пустота, мысли сбиваются в клубок.

Долго лежу, прислушиваясь к его дыханию — тяжёлому, ритмичному, будто он сам не знает, где кончается его тело, а начинается мой. Кажется, каждый вдох он делает не для себя, а чтобы поддержать это напряжение, как будто его дыхание — это мера, по которой он меряет моё безмолвие. Треск

огня в камине — то ли трещит дрова, то ли ломается сама тишина. Щепки, падающие в жаркий огонь, — мелкие, но громкие взрывы, будто кто-то тихо кричит в пустоте. За окном — тишина ночного леса, но не спокойная, а живая: шелест ветра в сосновых ветвях, цокот кабаньих копыт где-то вдалеке, тихий писк белки, скользящий между стволами, — всё это смешивается в один нервный фон, будто сама природа ощущает это напряжение, будто она тоже боится.

И только под утро, когда ночь уже почти сменяется сумеречным туманом, когда часы на стене пробили три, мне удастся забыться — тревожным, дрожащим сном, в котором я снова и снова возвращаюсь к этому моменту, к его руке, к его дыханию, к его словам, к тому, как он сказал: «Трахну тебя прямо сейчас», — и я не знаю, во сне ли это, или в реальности, — но тело вновь ощущает его прикосновение, как будто он всё ещё держит меня, как будто он всё ещё рядом, как будто он всё ещё ждёт, когда я снова пошевелюсь.

Автобус качается на повороте, будто пытаюсь вырваться из тоннеля, оставшегося за спиной, и Лерка смеётся, показывая мне фотки в телефоне — сначала селфи в уличном кафе, потом кадр с пляжа, где она позирует на фоне моря, обнимая крошечного песика в шляпке. Аня сзади напевает какой-то трек — не то поп-хит, не то старая ретро-баллада, которую она, кажется, слышала в детстве, — голос звенит, как колокольчик, и даже вибрация сидений отражает ритм. Она специально отсела от нас, чтобы спокойно послушать музыку в своих новых дорогуемых наушниках — «Bose QuietComfort Ultra», с подсветкой, которая мерцает синим при каждом такте. Её лицо в полном погружении, как будто она не в автобусе, а в собственной галерею, где каждый звук — часть живописи.

За окном мелькают горы — серые, покрытые зелёными склоны, усыпанные бурными пятнами скал, между которыми проскальзывает море, сверкая, как раскалённый металл. Внизу — океан, будто сотканный из тысячи кусочков зеркала, отражающих солнце. Красота невероятная, почти неестественная, словно кто-то вырезал этот пейзаж из фильма и вставил в реальность. Я достаю телефон — уже не первый раз за день, но на этот раз, чтобы сделать пару

снимков для ВК, где давно не появлялся, потому что последние три года я веду блог в стиле «жизнь без фото» — только текст, мысли, иногда рисунки карандашом. Но сейчас — мгновение, когда хочется запечатлеть, как будто ты часть чего-то большого, хотя на деле — всего лишь один из сотни пассажиров, мчащихся вдоль побережья.

В этот момент автобус резко бросает в сторону — будто кто-то сзади ударил по кузову, и тут же сработали тормоза, — и я хватаюсь за поручень, как за последнюю опору. Телефон вылетает из рук, будто его вырвало из ладони ветром. Он падает, но не на пол — а прямо вниз, в проход, где его уже нет. Звучат испуганные крики пассажиров — кто-то вскрикивает, кто-то хрипло произносит «боже мой», кто-то просто молча смотрит в потолок, будто пытается понять, куда делась земля. И вдруг — визг тормозов, пронзительный, будто сталь рвётся вдоль рельс. Воздух сжимается, будто его выжали, как тряпку.

Нас заносит прямо на ограждение — металлические прутья, которые казались крепкими, как стена, начинают гнуться, как проволока. Слышно, как что-то трещит, хрустит — будто мир ломается по швам. Словно в замедленной съемке, я наблюдаю, как автобус кренится в бок, резко наклоняясь в сторону пропасти, будто пытается упасть на крыльях. Его задняя часть сначала уходит вниз, а пе-

редняя — вверх, как будто пытается встать на дыбы, но тут же срывается. Он проламывает металлические прутья, будто они бумага, и — падает. Падает, не возвращаясь, не останавливаясь, не мечтая.

Оборачиваюсь к Лерке — она сидит на своём месте, держа в руках телефон, будто пытается его защитить. Её глаза — огромные, белые, как у кошки, которая только что увидела призрака. Она смотрит на меня, но взгляд её — не взгляд, а отражение страха, который ещё не успел вылиться в слово. Я пытаюсь что-то сказать, но язык не повинуется. Аню проверить не успеваю — она всё ещё в своём мире, в наушниках, и даже не поворачивает головы. Я вижу, как её пальцы дрожат, как будто она пытается переключить трек, но это — не музыка. Это — сигнал, что мир вокруг неё уже не тот.

Рывок — пальцы соскальзывают с поручня. Я падаю, ударяясь о что-то твёрдое — о край сиденья, о пол, о кого-то — не знаю, кто. Тело разворачивается, будто вращается в центре вихря. А дальше — всё происходит очень быстро: автобус несколько раз переворачивается, будто его бросили в стиральную машинку, и я — внутри. Меня швыряет по салону: сначала — в спину, потом — в голову, снова — в колено, будто кто-то бросает мяч в кабинет, где нет стен. Кто-то кричит, кто-то плачет, кто-то молчит — и

вдруг — удар. Один последний, сильный, будто кто-то сбил меня с ног, — и мир погружается в темноту. Всё. Ни звука. Ни света. Ни мыслей. Только тишина, как будто я ушла в самую глубину себя — туда, где ничего нет, кроме пустоты.

Распахиваю глаза и резко сажусь на постели, словно от удара током. Сердце бьётся в груди, будто пытается вырваться на свободу. Взгляд упирается в потухший очаг — чёрный, как уголь, с обгоревшими осколками дров, лежащими в каменном лотке. Воздух в комнате пахнет древесной пылью, мокрым деревом и чем-то тонким, едва уловимым — будто в нём ещё висит след последнего дыма. Я всё ещё в доме Адриана, но хозяина здесь нет. Ни звука, ни движения, ни тени. Я одна. Полная, абсолютная тишина, нарушающая даже собственное дыхание.

Делаю глубокий, медленный вдох, стараясь унять дрожь в руках. Меня трясёт не только от холода, но и от ощущения, что я не там, где должна быть. Рубашка на мне — тонкая, серая, с выцветшими краями, как у тех, что носят в старинных домах. Надеваю её на себя, словно щит, и растираю лицо руками — сначала осторожно, потом с силой, будто пытаюсь стереть с кожи что-то неприятное, что не сходит с лица. Пальцы скользят по щекам, по скулам, по лбу — кожа холодная, почти липкая. Я чувствую себя как будто вытащенная из какой-то глубокой, забытой реальности.

«Это был сон. Просто сон, — шепчу я себе, — просто кошмар, который привиделся после того, как я упала...»

Но слова застревают в горле. Они звучат неубедительно, как будто кто-то другой говорит их мне издалека. Я понимаю, что это не сон. Это — нечто большее. Воспоминания врываются, будто сбившиеся с рельсов поезда: жаркий день в Абхазии, солнце, падающее сквозь зелёные листья каштана, смех подруг, их голоса, разлившиеся по ущелью. Мы сидели на обочине, пили чай из термоса, смеялись над чем-то глупым. Потом — автобус, дорога по ухабистой дороге, дождь, ветер, бессмысленная поездка, которая, казалось, должна была закончиться уютным вечером в гостинице. Но потом — обвал. Громкий треск, резкий поворот, крики, падение. Я видела, как скала срывается под колесами, как машина, словно марионетка, резко бросает вниз, в темноту. И — тишина. Полная, безвозвратная тишина.

А потом — свет. Свет, который не был солнечным. Свет, будто сошедший с экрана старого телевизора. Свет, который не греет, а окутывает, как пелена. Я не чувствую боли. Я не чувствую тела. Я просто... существую. Или, может, уже не существую. Я умерла? Да, наверное. Но почему тогда я здесь? Почему я снова дышу? Почему моё сердце бьётся?

Поднимаю руки, приподнимаю их перед собой, как будто проверяю, есть ли в них сила. Осматриваю. Пальцы —

тонкие, длинные, с аккуратными ногтями, покрытыми лаком цвета «шоколадная пыль». Запястья — изящные, почти хрупкие. Я вижу, как кожа тянется к костяшкам, как свет падает на неё под углом — она блестит, будто только что вымытая. Я смотрю на себя — и понимаю: это не моё тело. Не моя кожа. Не мой рост. Не мой стан. Я — стройная, миниатюрная, как будто меня специально сделали для того, чтобы я была легкой, невесомой, чтобы легко проходить сквозь двери, не задевая рамы. Это тело — чужое. Женское. Молодое. И в то же время — как будто из другого времени. Как будто его сняли с портрета эпохи романтизма.

Значит, я умерла. А душа... моя душа — или что от неё осталось — попала в тело другой девушки. Как в переселении. Как в фильме, где человек оказывается в теле другого, но без возможности вернуться. Или... может, это не переселение, а что-то большее? Что-то, что выходит за рамки физики, за рамки здравого смысла.

«Не человека», — проносится у меня в голове, и мозг, словно старый компьютер, моментально вспоминает: ту самую «странную» пробежку. Прошлой ночью. Когда я, не зная зачем, выбежала из дома, в крошечной тьме, в дождь, по лесной тропе. Я бежала, не оглядываясь, будто убегала от чего-то. Но что? Я не слышала погони. Не чувствовала угрозы. Просто бежала — и вдруг остановилась. Оглянулась. А

за мной — никого. Но на земле, под кустами, лежали следы. Следы, которые не похожи на человеческие. Они были... слишком узкими, слишком длинными. И шли не вперёд, а... в стороны. Как будто кто-то шёл, не двигаясь вперёд. Или... как будто что-то изменило направление. Я не могла объяснить, что это было. Но тогда, в тот момент, я почувствовала — я не одна. Я — не одна. И не просто в доме. А в чём-то большем. В чём-то, что называется «секта» или «община».

И что теперь делать? Как вернуться домой? К семье? К своим? К тому, что было? Или, может, вообще не возвращаться? Ведь, судя по всему, меня занесло в какую-то заброшенную, затерянную в горах общину. Дом Адриана — не просто дом. Это место, где живут те, кто не хочет быть частью мира. Кто-то, кто отказался от всего. От технологий, от времени, от денег. Кто-то, кто живёт по другому календарю, по другой логике. Кто-то, кто, возможно, верит в переселение душ. Или в нечто большее — в связь с природой, с духами, с чем-то, что невозможно назвать.

Солнечный свет льётся из маленьких, словно осколки стекла, окон. Он пробивается сквозь пыль, рассеивается в воздухе, превращая пылинки в крошечные звёзды. Сколько сейчас времени? Глупый вопрос — ведь здесь нет часов. Нет даже будильника, нет телевизора, нет смартфона. Нет ничего, что бы говорило: «Сейчас два часа дня». Я чувствую

только, как солнце движется по небу. Оно поднимается — и теперь, кажется, уже заходит. Оно светит прямо в комнату, падая на пол, как будто указывает на что-то важное. Может, на дверь?

Не сразу я замечаю на краю постели стопку одежды — словно призрачное явление, выросшее из тишины ночи. Адриан не забыл о моей просьбе. Я медленно подползаю ближе, ощущая, как под ладонями скользит прохладная деревянная поверхность пола, а сердце внезапно сжимается от тревоги — что, если это не то, что я думала? Что, если он ошибся? Что, если это чья-то чужая одежда, случайно оказавшаяся здесь? Но нет — всё выглядит слишком аккуратно, слишком целенаправленно. Как будто кто-то специально подготовил этот момент.

Я наклоняюсь, осторожно разворачиваю вещи — и передо мной предстаёт криво скроенное платье из грубой, будто вырезанной ножом льняной ткани, с неровными швами, с потертостью по краю, словно его давно носили. Но — странно — ткань кажется почти новой, несмотря на внешнюю жесткость. Ни одного пятна, ни следа запаха, который мог бы указать на употребление. Никакого следа времени. Возможно, даже не из нашего мира. Я впервые вижу такую одежду — разве что в старинных фильмах, где героини в длинных, с короткими рукавами платьях шагают по улицам провинциальных городов, с гордостью держа в руках пакеты с хлебом

и газеты. Это — не то, что носят в современных городах. Это — нечто иное. Древнее. Прямо из прошлого, но не из нашего.

Рядом, на полу, стоят парные ботинки — тёплые, мягкие, с узорчатой подошвой, напоминающие угги, но с более утончённой формой, будто вылепленные не из кожи, а из какого-то другого материала — тёмного, бледно-серого, с лёгким отливом, словно подсвеченные лунным светом. На ощупь — тёплые, почти живые. Я сажусь, снимаю с ноги старые, порванные тапки, и надеваю их. Каждый шаг — как будто вхожу в другой мир. Подошва плотно прилегает к ступне, будто обувь сделана специально для моего тела. Настоящая, настоящая, не искусственная.

Затем — платье. Сначала натягиваю его на себя, стараясь не задеть кожу. Ткань колется, как сухой пенёк, цепляется за каждый волосок, раздражает, жжёт. Но я терплю. Даже если кожа покраснеет, даже если останется след — лучше так, чем разгуливать голой, словно зверь в клетке. Я не знаю, где я, не знаю, кто я, не знаю, кто этот Адриан. Но я — не безымянная тень. Я — женщина. И я должна выглядеть как таковая. Даже если выгляжу странно.

Чувствую себя хорошо. По крайней мере, лучше, чем вчера. Нет боли в голове, не кружится голова, не тянет в сон.

Нет озноба, не ломит мышцы. Сердце бьётся ровно, как будто оно снова научилось дышать. Я — жива. И это — уже победа.

Накидываю меховую жилетку — длинную, до колен, с густым, тёплым мехом, который, кажется, живой, словно дышит. Он тяжелый, но не тяжелее, чем должен быть — скорее, он будто держит внутри тепло, как будто сам излучает его. Я натягиваю её, закрываю шею, чувствуя, как тепло проникает в грудь, в спину, в ладони. Готова выйти. Осмотреться. Узнать, где я.

И в этот самый момент — дверь открывается. В комнату заходит женщина. Высокая, статная, с такой осанкой, что кажется, будто она не идёт — а плывёт по воздуху. Её волосы — густые, тёмные, как уголь, собранные в простую, но аккуратную косу, которая, казалось, не просто висит, а словно держит её голову на месте. Взгляд — пристальный, холодный, как лезвие, — она смотрит на меня, будто оценивает не одежду, а самого меня — моё тело, позу, дыхание, даже то, как я держу руки.

— Проснулась, наконец, — говорит она, и голос её — будто камень, упавший в тихий пруд. — Вижу, моя одежда подошла.

Что? Это её вещи? Я моргаю, пытаюсь осознать. Но — логично. Где Адриан мог за ночь добыть такое платье? Не мог же он купить его в магазине. Да и вряд ли кто-то в городе носил бы такую одежду. Значит — одолжил. У кого-то. У кого-то, кто живёт здесь, рядом. У кого-то, кто знает, как выглядит настоящая одежда. У кого-то, кто — как она — высок, строен, с косой, как у неё.

И тут — я понимаю. Это не просто любовница. Это — кто-то более близкий. Кто-то, с кем Адриан связан не только телом, но и чем-то другим — обещаниями, обязанностями, древними правилами. Может, она — жена? Или — сестра? Или — та, кто держит ключи от этого дома?

Кожа под платьем горит сильнее, словно ткань пропитана кислотой. Я не могу объяснить, отчего. Может, потому что это — её одежда. Может, потому что я — чужая. Может, потому что я — не та, кого она ждала. Но я — здесь. И она — здесь. И между нами — тишина, полная неразговорённого.

— Брат просил присмотреть за тобой, пока он на охоте, — продолжает женщина, и мне становится стыдно за недавние мысли. В голове мелькает образ того, как я сидела на краю пустого балкона, сжимая колени, глядя в безмятежное небо, представляя, как быстрее убежать от этого места, от этой тишины, от себя самой. А теперь — её взгляд, пронзительный, как взгляд тех, кто давно знает, что такое жить вдали от все-

го.

— Я Инесса.

— Марина, — выдавливаю я, чувствуя, как горят щеки, будто я только что вышла из жаркой печи. Голос дрожит, словно я не сказала «Марина» — а выговорила «помоги», и это слышно каждому, кто стоит поблизости.

— Пойдем, накормлю тебя. У Адриана можно с голоду помереть.

Голос у неё ровный, но в нём — лёгкая насмешка, будто она уже видела, как кто-то срывается с ума из-за голода. Или, может, просто знает, каково это — быть забытой, когда вокруг — только деревянные стены, дымовые трубы и звуки, похожие на шепот старых сказок.

Следую за Инессой, выхожу наружу и оглядываюсь по сторонам. При дневном свете поселение выглядит не таким пугающим, как вчера вечером, когда я ещё не могла разобраться, где кончается тьма, а начинается правда. Теперь — солнце, пыль, лужи после недавнего дождя, отражающие небо, будто кто-то вылил туда целую калейдоскопическую мозаику. Всё вокруг — дерево, глина, ткань, кожа. Ни одного металлического блеска, ни одного стеклянного окна. Нет ни машин, ни электрических проводов, ни даже телефонных вышек — словно мы оказались в эпохе, которую никто не записывал в истории. Как будто кто-то выключил свет, и мир замер в середине XIX века, оставив позади все изменения,

все перемены.

Все дома — из дерева, сложены кривовато, будто строили их не архитекторы, а люди, которым было не до точности. Крыши покрыты тростником или старыми досками, некоторые — с облупленной краской, другие — просто покрыты глиной. Дома стоят вразброс, как будто их просто бросили на землю, не глядя, кто будет рядом. Между ними — узкие тропинки, вымощенные камнем, кое-где — земля, утрамбованная ногами. По сторонам — огороды, сады, курятники, где петухи кричат, будто предупреждают о чём-то важном.

Между домами снуют люди — мужчины в кожаных куртках, женщины с корзинами, дети, бегающие босиком, смеющиеся, кричащие, пинающие мячи из тряпок. Некоторые оборачиваются, разглядывают меня с любопытством — взгляды то приглушённые, то напряжённые, будто они уже видели, как я падала на колени у костра, как дрожала, как не могла произнести ни слова. Я знаю — кто-то из них был вчера у костра. Может, даже тот самый, что смеялся, когда я пыталась объяснить, кто я такая. И теперь — этот взгляд, будто говорит: «Ты всё ещё здесь? Ты не убежала?»

Становится неловко. Опускаю взгляд — на тропинке лежит кусок хлеба, съеденный до конца, и я вспоминаю, как думала, что, может, мне просто не повезло. Но нет — здесь,

наверное, каждый день кто-то умирает от голода, а кто-то — от простуды. Отсутствие врачей, отсутствие лекарств, отсутствие даже мыла.

Иду вслед за Инессой, чувствуя, как тяжело дышать — не от усталости, а от тяжести самого воздуха, от того, что здесь — тише, чем в городе, но одновременно — тревожнее.

Когда мы проходим мимо очередного дома, дверь распадается, и оттуда выходит Минни. Выглядит помятой, будто её долго таскали за волосы. Платье — серое, потрёпанное, с порванным рукавом, на одной стороне — ворс, на другой — дыра. Волосы растрепаны, будто кто-то схватил за них и вытащил. Она молча смотрит на меня — глаза красные, будто плачу, но слёзы уже высохли. И вдруг — я понимаю: это не просто усталость. Это — следы насилия. Я вижу это в жестах, в том, как она держит руки — сжатые, как будто пытается удержать себя от падения.

Следом за ней выходят двое мужчин. Один — высокий, с бородой, с грубым лицом, будто высеченным из камня. Другой — коренастый, с татуировкой на шее, похожей на змею, которая обвивает шею. Я моментально узнаю их — те самые, что притащили меня сюда, как мешок с картошкой, бросили на землю и сказали: «Здесь твоя новая жизнь». Я тогда не поняла, что значит «жизнь» — ведь в тот день я не знала,

что такое выжить.

Теперь — они стоят, молча смотрят на меня. Их взгляды — не гнев, не злоба, а что-то большее. Спасательный взгляд. Как будто они знают, что я — не просто пришлый человек, а кто-то, кого нужно защитить. Или, наоборот, — кого-то, кого нужно держать под контролем.

Я останавливаюсь. Сердце — как будто застыло в груди. Инесса, не поворачиваясь, говорит:

– Пойдём, Марина. Не стоит тут задерживаться.

Но я не могу двинуться. Я смотрю на Минни, на тех двоих, и в голове — молниеносный вопрос: кто я? Кто они? И что случится, если я скажу правду?

Стараясь особо не пялиться, наблюдаю за ними из-под опущенных ресниц, словно прижавшись к стене, будто бы случайно оказавшись в этом пространстве, где каждый жест, каждый взгляд — часть чужой, непонятной и одновременно пугающе знакомой картины. Один из мужчин, с широкой, как у борца, спиной и хмурой бородкой, грубо шлепает Минни по заднице — резко, будто проверяет, насколько она податлива. Она вскрикивает, будто от удара током, резко поворачивается, но вместо ярости — наигранно смеется, вытягивая губы в улыбке, будто это часть ритуала, как будто шлёпок — не проявление агрессии, а просто способ сказать

«я здесь, я твоя, но с моей стороны — с разрешением». Второй мужчина, с короткими волосами и тёмными кругами под глазами, не отстаёт — тоже отвечает ей звонкий шлепок, с таким же акцентом, как и первый, будто обменялись правилами, как в какой-то игре, где физическое воздействие — норма, а не исключение.

Они оба направляются в сторону леса, оставляя за собой следы на траве, будто проверяя, кто из них сильнее, кто — выносливее. Минни, не теряя ни секунды, поправляет платье — оно, кажется, чуть сползло, но не из-за ветра, а из-за их прикосновений. Потом, словно ничего и не было, заходит в небольшое строение рядом — деревянный сарай с навесом, с дверью, покрытой старой краской, и вырезанным на ней упрощённым символом — возможно, обозначением «баня» или чего-то большего, что мы пока не понимаем.

Увиденное не укладывается в голове. Только вчера она была с Адрианом — тихим, почти благородным, с глазами, полными сожаления и страсти, — а сегодня провела ночь с двумя мужчинами, которые, судя по всему, не собирались играть в шахматы, несмотря на внешнюю безобидность. Это не просто смена партнёров — это нечто большее. Это как будто она отдала себя не просто телу, а чему-то большему — ритуалу, обычаю, который не поддаётся логике, но, возможно, подчиняется собственной, чужой, но неотъемлемой

системе ценностей.

— За ночлег нужно платить, — раздаётся рядом насмешливый голос Инессы, будто кто-то включил радиоприёмник в тишине, и теперь его звук прерывает внутренний монолог.

Я шокировано смотрю на неё — не могу отвести глаз, не могу переварить. Она стоит, скрестив руки на груди, с лёгкой усмешкой, будто только что поделилась банальной истиной, которой, возможно, даже не удостоена вся наша цивилизация. Её взгляд — как у женщины, которая видела всё, что можно увидеть, и знает, что за каждым жестом, за каждой улыбкой — своя цена. Она хмыкает, будто проверяя, слышно ли мне, и кивает головой — мол, идём дальше, не задерживайся.

В доме Инессы — неожиданная тишина, уют, которого не было у Адриана. Хотя, конечно, «уют» здесь — понятие условное. Это не уют для тех, кто привык к мягким диванам и светлым комнатам. Здесь — другое: тёплый, почти дрожащий свет керосиновой лампы, деревянные стены, покрытые слоем времени, и, главное — пространство, которое, казалось бы, больше, чем у Адриана, но при этом сохраняет ощущение сдержанных границ. Комнаты, как и у других, — одна, но разделена шторкой из плотной, серовато-коричневой ткани, с вышитыми узорами, похожими на ветви или древ-

ние письма.

Под потолком, у очага, висят связки трав — сушеных, сухих, но дышащих ароматом: мята, шалфей, полынь, мелисса — все вместе, как будто кто-то высушил не просто растения, а частицы памяти. От этого в доме стоит приятный, лёгкий запах — не то что-то отвлекающее, а скорее успокаивающее, будто сам воздух уже знает, что здесь происходит, и пытается облегчить тяжесть происходящего.

И вот — тишина, свет, запах, и, кажется, даже время течёт иначе. Здесь, в этом доме, всё кажется не просто выстроенным, а выстроенными по-своему, по-своему — так, как будто каждый предмет, каждый штрих, каждый узел на шторке — часть чьей-то судьбы, чьего-то выбора, чьего-то принятия. И, может быть, даже я — тоже часть этой картины.

Инесса усаживает меня за грубо сколоченный стол — деревянный, с неровными краями, покрытый следами времени и потертостями от сотен рук, которые когда-то сидели за ним. На столе — деревянная миска, вырезанная из тёмного дуба, с остатками жирных капель на дне, — внутри лежит кусок мяса, приготовленного на костре, с коричневой корочкой и ароматом дыма, пропитавшегося в волокнах. Рядом — глиняная кружка, грубая, как и вся обстановка, с тонким трещинным узором по бокам, — в ней налит какой-то напиток, тёмный, с пены, похожий на настойку из кустарниковых

ягод, но с кислым, почти режущим вкусом. Сначала делаю глоток — вкус резкий, вяжущий, будто пью кислую черемуху, перебитую золой, — и сразу же чувствую, как по горлу проходит лёгкая дрожь. Потом, не раздумывая, жадно набрасываюсь на еду, откусывая куски, словно боюсь, что кто-то в любой момент может забрать. Только сейчас доходит — насколько же я голодна. Каждое движение челюстей, каждый жевательный толчок — это не просто еда, это восстановление чего-то древнего, что давно было утрачено.

Ингрид садится напротив, на стул с изношенной спинкой, и смотрит на меня с темным интересом, будто разгадывает пазл, который сама же и собрала. Её взгляд — не просто взгляд, а исследование: он скользит по моему лицу, останавливается на глазах, изучает мимические реакции, замечает, как дрожит палец при прикосновении к краю миски. Она не спешит, не произносит лишних слов — просто сидит, оценивая, как будто каждое моё мимическое движение — часть какой-то сложной системы.

— Адриан сказал, ты ничего не помнишь, — произносит она наконец, тихо, но чётко, будто проверяет, как звучит эта фраза в тишине.

— Да, — киваю я, не отрываясь от еды, не поднимая глаз, словно боюсь, что если посмотрю — что-то исчезнет.

– Совсем ничего?

– Совсем. Только своё имя. И всё. Ни прошлое, ни лица, ни даже, кажется, — как я здесь оказалась.

Она хмыкает — не саркастично, а задумчиво, словно проверяет, верна ли эта информация. Потом поворачивает голову, и я впервые замечаю на её шее — огромный, округлый, почти симметричный шрам, как будто кто-то мощно впрыснул зубами в плоть. Он не просто шрам — он выглядит как след от когтей, но с ровной, будто вырезанной линией. Никаких следов воспаления, никакого размазанного пятна — только гладкая, чуть блестящая кожа, словно тело само его «запечатало».

Может, зверь? Но какой? Медведь — слишком крупный, волк — не оставляет таких ровных следов. Может, леопард, что ли? Или... что-то более странное. Я не могу отвести взгляд — смотрю, как он изгибается под шеей, как будто живой, как будто продолжает дышать. И тут я понимаю, что сижу, уставившись на него, как будто это сокровище, а не шрам. Время будто застыло.

Инесса усмехается — не громко, но заметно, с лёгкой иронией.

– Никогда не видела метку?

– Метку? – переспрашиваю я, не сразу понимая, о чём речь. — Что за метка?

– Не знаешь, что это?

Я отрицательно качаю головой, чувствуя, как пульс резко учащается — не просто от страха, а от ощущения, что что-то важное, что-то скрытое, вот-вот выскочит наружу. В голове — тишина, но внутри — буря. Что это за метка? Почему она на шее? И почему Ингрид говорит о ней так, будто это что-то общепринятое, знаковое? Я снова смотрю на неё — и впервые вижу не просто женщину, а часть чего-то большего. Чего-то, что связано с выживанием, с чем-то древним, с чем-то, что не должно быть в обычной жизни.

– Даа... видимо, ты действительно потеряла память, – говорит она, и в её голосе слышится удивление, словно впервые за всё время, что мы с ней знакомы, она не до конца доверяет моему рассказу. Взгляд её, обычно уверенный, как у тех, кто давно знает дорогу, теперь стал осторожным, пронизанным лёгким подозрением — будто я не та, за кого себя выдаю, или просто слишком похожа на кого-то, кого давно не видела. Она смотрит на меня, как будто пытается найти в моих глазах отражение былого — но там ничего нет. Только

пустота, как будто кто-то вытер стены моего сознания, оставив лишь обрывки воспоминаний, которые не складываются в картину.

Дальше мы сидим в тишине. Никаких разговоров. Только шум ветра в кустах, треск сухих веток под ногами и далёкое мяуканье кошки, убежавшей от кого-то. Я молча доедаю свой обед — кусок жёсткого хлеба, пропитанного маслом, и остатки супа из крапивы, который, как мне сказали, лечит от зуда и укрепляет кровь. Ем медленно, будто каждая ложка — это шаг назад к чему-то, что я уже не помню. Инесса же молча смотрит на меня, как будто проверяет, не выдавлю ли я что-то лишнее — слезу, мимолётную улыбку, вздох, который выдаст, что я всё-таки помню.

Потом она встаёт, срывает с ветки пучок полыни, чтобы потом вымыть посуду, и говорит:

– Скоро вечер, – бросает она через плечо, – вернётся Адриан. Надо натаскать воды в баню. Заняться домом. Чтоб он не прогнал тебя, как Минни.

Я открываю рот, чтобы возразить — ведь я не собираюсь здесь оставаться, не хочу быть «домашней», не хочу, чтобы кто-то меня «прогнал», как кого-то чужого, как кого-то, кто не свой. Но вовремя закрываю. Что толку спорить? Я не мо-

гу объяснить, что чувствую — как будто внутри меня что-то трещит, как старая доска, когда на неё садятся. Я не хочу быть частью этого мира. Не хочу, чтобы меня кто-то «проверял», «оценивал», «помечал». Я — не скотина, чтобы на мне ставили клеймо. Я — не коза, не свинья, не та, кого можно пригнать к оgrade, чтобы посмотреть, как она ведёт себя в стаде.

Инеcса идёт вперёд, и я за ней. Мы идём к ручью — тихому, ползущему между камнями, словно живое сердце посёлка. Вода там чистая, прозрачная, почти ледяная. Она пахнет мхом, корнями и чем-то древним, что осталось с тех времён, когда люди ещё не умели копать колодцы. Здесь вода — как душа: чистая, живая, неиспорченная. Именно отсюда они берут воду для купания, для мытья, для ритуалов. Даже пепел от жертвоприношений, как мне сказали, высыпает в ручей, чтобы он «принял» и унёс.

– Та только и умеет, что ноги раздвигать, – продолжает Инеcса, не оборачиваясь, и в её голосе — не столько осуждение, сколько лёгкая ирония, как будто она пересказывает чужие слова, но с оттенком усталости. – Глядишь, брат и метку тебе поставит. Волк же у него теперь есть, хвала богине.

Я молчу. Меня это не касается. Я не хочу, чтобы меня «помечали». Я не племенная корова, чтобы на мне ставили

клеймо — чтобы каждый, кто проходил мимо, видел, к кому я принадлежу. Я не моя, не его, не Адриана, не богини. Я — я. И если я когда-нибудь и вернусь к себе, то не тем путём, которым идут другие. Не через клеймо, не через подчинение, не через «дом» и «работу». Я уйду. Может, даже этой ночью. Когда ветер уйдёт, а луна встанет над холмами, и станет тихо, как в пещере. Тогда я встану, возьму с собой только самое необходимое — камень, нож, кусок ткани, который остался от одежды, которую я, возможно, когда-то носила, — и пойду. Вперёд. Куда глаза глянут. Куда душа скажет. Даже если это будет края света, даже если это — безлюдный лес, где никто не знает, кто я такая. Даже если я снова стану тем, кого никто не помнит.

Когда мы добираемся до ручья, я благодарю Инессу за всё — за помощь, за тёплые слова, за то, что не оставила меня на произвол судьбы, хотя я, кажется, уже стала её испытанием на выносливость. Она улыбается, кивая, и я, вздыхая с облегчением, направляюсь обратно — к своему временному «дому», к своей новой, пока ещё не совсем понятной роли. В бане, с её древними деревянными балками, потолком, усыпанным пылью, и тихим шепотом ветра в щелях, я нахожу два старинных ведра — одни из них чуть покосившееся, другое — с трещинкой по краю, но вполне пригодное для работы. Иду обратно, шагая по тенистой тропе, усыпанной мхом и мелкими камнями, чувствуя, как тёплый ветерок ласкает лицо, а сердце постепенно успокаивается.

По дороге замечаю растение — небольшой кустик с гладкими листьями, чуть бледноватыми, но с характерным ароматом. Мята. Осторожно отрываю несколько листиков — они дрожат в пальцах, словно живые. Нюхаю: резкий, свежий, почти острый аромат — точно мята! Сердце радостно замирает. Можно заварить вместо чая — ведь Инесса же не раз говорила: «Создавай уют, даже если вокруг — пустота». А ещё мята успокаивает нервы, помогает заснуть. Может, Адриан, наконец, крепко уснёт, а я, пока он будет спать, сбегаю в лес, посмотрю, что там за горизонтом, или просто присяду у ручья, чтобы выдохнуть и переждать этот странный, почти сказочный день.

Возвращаюсь в баню, ставлю ведра у порога — одно с водой, другое — пустое, как будто жду, когда оно станет полно. Оглядываюсь: очаг здесь давно погас — ни искр, ни дыма, только пепел, слегка покрытый пылью. Как и в доме Адриана — там, где когда-то жил кто-то, теперь только тишина и память. Попытка развести огонь без спичек или зажигалки? Я, конечно, пробовала — терла, терла, пальцы в саже, но ничего. Даже мечты не было, что когда-нибудь смогу зажечь огонь руками. Словно в старинной книге про ведьм, где каждый шаг — это вызов. Похоже, мой план стать примерной хозяйкой на грани провала — и не просто на грани, а уже в самом провале.

Но я не сдаюсь. Не могу же я тут просто сидеть и ждать, пока кто-то придет и разведёт огонь. Возвращаюсь к Инессе — уже не с просьбой, а с надеждой. Та смотрит на меня с нескрываемым удивлением, будто видит впервые, и, покачивая головой, как будто говоря: «Опять кто-то, кто не знает, как жить в этом мире», — достаёт из угла деревянного шкафа странное полукруглое приспособление. Оно сделано из тёмного камня и тонкой, но прочной стали — с ручкой, выточенной под ладонь, и двумя металлическими пластинами, между которыми что-то скрыто.

Я беру его в руки, переворачиваю, верчу, пытаюсь понять, как это работает. Пыль, остатки старого масла, неровности, как у древних инструментов. Инесса тяжело вздыхает — не раздражённо, а с лёгкой грустью, будто помнит, сколько раз приходилось учить кого-то этому. Потом, не говоря ни слова, она берёт пучок сухой травы — похожей на папоротник, но с тонкими, почти волоконными стеблями, — и идёт со мной в дом Адриана. Там, в тишине, где пыль висит в лучах заходящего солнца, она, не теряя времени, делает два быстрых движения: сначала вставляет траву в щель между пластинами, потом резко ударяет металлической частью по камню — и вдруг — искра! Треск, дым, и уже через секунду — пламя, танцующее в щели. Огонь загорается, жадно пожирая сухую траву, потом — поленья, которые я заранее подобрал у края

леса.

Я стою, затаив дыхание, глядя, как огонь живёт, как дышит. Инесса смотрит на меня, качает головой — уже не с раздражением, а с лёгкой улыбкой, будто говоря: «Вот так — не спичками, а умением». И, тяжело вздыхая, уходит, оставив меня наедине с огнём и собой.

Оставшись одна, я начинаю осматривать посуду. Её немного — только одна глубокая глиняная чашка, с остатками какого-то старого отвара, почерневшего на дне, и кружка из тёмного дерева, с вырезанными узорами — может, от ручья, может, от древнего праздника. Всё — с изысками, но живое. Попробую сварить что-то простое — кашу, например, или травяной отвар. Хотя бы чтобы было что есть.

И тут — мысль: а не обедает ли Адриан у сестры? Ведь Инесса часто угощает его чем-то ароматным — вареньем, хлебом, куском сала. Может, он вообще не в доме? Или, может, приходит сюда — в баню — чтобы хоть немного побыть наедине с собой? Но почему тогда я его не видела? Может, он уже спит? Или, быть может, просто не любит, когда его замечают?

Я сажусь у камина, держа в руках мятую, и думаю: а что, если я — не хозяйка, а всего лишь гостя, которая пытается

стать частью этой жизни? И, может, именно в этом и есть уют — не в том, чтобы всё было идеально, а в том, чтобы быть рядом, слышать, как дышит дом, и знать, что кто-то, кто-то, кто-то — живёт рядом.

Наливаю воды в чашку — медную, с потертой ручкой. Она уже давно не греет, но я всё равно наливаю. Ставлю на огонь старой плиты, которая скрипит, как живая, и тут же начинает трещать от жара. Жду, пока вода закипит — шумит, бурлит, пузырится, будто сама по себе что-то шепчет. Когда появляется пар, вижу, как он поднимается вверх, рассеивается в холодном воздухе, как дым от костра. Бросаю несколько листиков мяты — свежих, со своего приусадебного участка, ещё влажных от утренней росы. Они плавают, извиваются, раскрывая аромат — сладкий, терпкий, с оттенком прохлады, словно осенний ветер, ворвавшийся в дом.

Дом наполняется знакомым, родным ароматом — как будто возвращаюсь в детство, когда мама готовила мне «зелёный чай» с мяты. Запах пропитывает стены, ковёр, даже деревянные ступеньки лестницы. Я отливаю часть горячего напитка в кружку — фарфоровую, с трещинкой на ручке, которую уже не выбросить. Сажусь на постель, упираясь спиной в деревянную стену — ту самую, что когда-то была частью старого сарая, теперь перекрашенную под полку для книг. Снег за окном — белый, плотный, как холст. Ветер шепчет

за окном, будто кто-то читает стихи, которые никто не сможет понять.

Сижу так до самого вечера — молча, неподвижно. В голове — тишина. Ни мыслей, ни тревог, только тишина, которую нарушает лишь капелька воды, капающая из крана. Наконец — слышу. Шум снаружи. Голоса, смех, хруст снега под тяжёлыми ботинками. Дверь открывается — и на порог выходит Адриан. Он идёт, волоча за собой огромную тушу, похожую на оленя, но не просто оленя — с рогами, как у древнего зверя, с шерстью, пропитанной кровью и снегом. По белому снегу за ним тянется кровавый след — длинный, рваный, будто кто-то вытянул красную нить через всю поляну.

Рядом с ним — его брат. Тот самый альфа, что когда-то, смеясь, сказал: «Отдадим её толпе — пусть поживятся». Его взгляд — холодный, безжалостный, как лёд на краю проруби. Он тоже несёт добычу — кабана, но уже не такой крупный, как у Адриана. Рядом идут ещё двое — мужчины с кнутами на ремнях, с топорами за спиной. У всех — грязь на одеждах, глаза — как у хищников, что давно не видели света. Они замечают меня. Смотрят — не мигая. Улыбаются. Одни — презрительно, другие — с вызовом. Но только Адриан — не смеётся. Его взгляд — тяжёлый, как камень. Он смотрит на меня, как будто видит не просто женщину, а что-то большее — память, связь, долг.

Я опускаю глаза. Не знаю, какие у них правила. Должна ли я приветствовать его? Помогать? Принести воду? Сказать «спасибо»? Или просто ждать — стоять у двери, как дерево, не двигаясь, пока они не пройдут? Поэтому остаюсь на месте, замерев, как будто и не существую. Сердце стучит — не громко, но резко, будто пытается вырваться наружу.

Адриан подходит один. Не спеша. Подходит к двери, смотрит на меня — сначала взглядом, потом — молча. Бросает тушу прямо у порога, как будто это мешок с картошкой. Садится на корточки, вынимает нож — длинный, с костяной ручкой, с отполированным лезвием. Кровь, которая течёт из тушки, — не та, что из животных, — она тёмная, густая, почти как масло, и тут же застывает на снегу, превращаясь в кроваво-чёрные пятна. Он начинает разделывать добычу — резко, точно, без лишних движений. Каждое движение — как удар молотка по наковальне. Он знает, где разрезать, где снять кожу, где оставить мясо для жарки, а что — для супа. Его руки — как машины. Никакого страха. Никакой жалости. Только порядок.

Я вижу, как он снимает шкуру — тонкая, с белыми волокнами, будто вытянутая из плоти. Как будто убивает не тело — а что-то большее. Как будто каждый кусок — это часть ритуала, который он совершает каждый раз, когда приходит

с охоты. И я — не просто наблюдатель. Я — часть этого. Даже если не понимаю, зачем. Даже если боюсь. Даже если в голове — пустота. Я сижу. Смотрю. И жду.

— Принеси воды, — бросает он, не глядя на меня, словно я — просто часть обстановки, а не человек. Голос его звучит резко, почти резко, будто он давно не говорил с кем-то, кроме себя самого. Я молча киваю, мысленно благодаря Инессу за её мудрый совет: «Когда он говорит «принеси», не спорь — просто сделай. Иначе будет хуже».

Захожу в дом, прижимая к груди кружку, как будто это утешение. В комнате тихо, пахнет старой древесиной и чем-то приторно-гнилым — возможно, от остатков прошлогоднего дыма в камине. Наливаю воды из кувшина, который нашла у порога, — она чуть мутноватая, но пить можно. Возвращаюсь к Адриану. Он стоит у костра, склонившись над тушей оленя, которую только что притащил с поляны. Его руки — как у плотника: сильные, покрытые мозолями, с обломанными ногтями. Он принюхивается, будто оценивает не только запах, но и саму суть — как будто в воздухе висит нечто большее, чем просто мясо.

Следом — несколько жадных, глубоких глотков. Вода струится по его горлу, он даже не морщится. Отдаёт мне пустую кружку — рука дрожит, хотя внешне он спокоен. А по-

том снова берётся за нож.

Я смотрю, как лезвие, тяжёлое, с тусклой, как у кремневого ножа, кромкой, резко пронзает кожу. Кровь, тёмная, почти чёрная от времени, течёт ручьями, капает на землю. Изнутри вываливается серия узловатых, покрытых жиром органов — печень, селезёнка, тонкая кишка. Всё это — не просто части тела, а нечто, что раньше жило, дышало, пело в тишине леса. Запах — острый, кислый, будто мясо уже начало портиться, но ещё не до конца. От этого — мутит. Стыдно, что мутит. Стыдно, что я не выдержала.

– Если ещё что-то нужно — зовите, я буду внутри, – выдавливаю я, словно прошу прощения за своё существование. И не дожидаясь ответа, направляюсь к двери.

Сажу одна довольно долго. За окном — тишина, настолько полная, что кажется, будто мир замер. Ветер ушёл, птицы умолкли. Даже свет фонаря на крыльце, который Инесса оставила на ночь, мерцает, как пульс. Уже думаю лечь спать, завернуться в одеяло, закрыть глаза — и тут дверь скрипит, будто кто-то открывает её снаружи.

В дом заходит Адриан. Его волосы — мокрые, прилипшие к шее, будто он только что вымылся в реке. Никаких полотенец, никаких улыбок. Просто — тело, пропитанное водой,

и взгляд, будто он не видел ничего, кроме своей цели.

– Пойдём, – говорит он, кивая на выход. Голос — как сталь, резкий, без намёков.

– Куда? – не понимаю я.

– Ужинать, – в его голосе — нотка раздражения, будто я задала вопрос, который должен быть понятен всему миру.

До меня не сразу доходит, что он зовёт меня к общему костру — тому самому, где раньше собиралась вся деревня, где грелись, пели, рассказывали страшные истории. Там, у края леса, на поляне, где когда-то росли кусты шиповника, а теперь — только пепел и растоптанная трава.

– Я... я не хочу. Можно я останусь здесь? – шепчу я, будто боясь, что если скажу громче — он разозлится.

– Нет! – отрезает он, как будто я предложила что-то бессмысленное. – Вставай.

Послушно поднимаюсь с постели. Каждое движение — как будто я тону в чём-то невидимом. В голове — вчерашние воспоминания: как он стоял на крыльце, смотрел на меня, как на чужую, как на то, что можно использовать, но нельзя

бояться. Как будто я — не человек, а инструмент. И сейчас — опять это. Опять он. Опять тень. Опять — та самая ночь, когда всё пошло не так.

Идём молча. Он впереди, я — за спиной. Он — как приговор, а я — как его исполнительница. Всё, что было — уходит в пепел. А то, что будет — уже не моё.

У костра уже все собрались. Огонь трещит, отбрасывая тени на лица собравшихся, а воздух напоен дымом, смесью дикой мяты и жареного мяса. Воздух тяжелый, насыщенный, будто каждый вдох — это часть ритуала. Адриан уверенно приближается, его шаги тяжелы, но выверены, как будто он знает, где должен стоять — и где не должен. Он занимает свободное место возле альфы, садится на скамью из дерева и шкуры, уютно устроившись, словно давно здесь живёт. Я сажусь рядом, стараясь казаться невидимой, опускаю взгляд на свои руки, переплетённые на коленях, и стараюсь не встречаться ни с кем взглядом — особенно не с Майрой.

Но она видна. Я чувствую, как её взгляд пронзает меня, будто нож, вонзившийся в спину. Она сидит далеко, в самом конце, между двумя мужчинами — одним с татуировкой змеи, ползущей по шее, другим — с шрамом от уха до подбородка. Я узнала их днём, когда они вышли из леса с добычей — гигантским оленем. И сейчас, глядя на них, я

вспоминаю, как Майра смотрела на меня, когда мы стояли у костра — не просто с ненавистью, а с тем отвращением, которое приходит оттуда, где нет места для слабых. Она сидит прямо, спину — как у стены, глаза — как у хищника, который ждёт сигнала к атаке.

– Сегодня у нас праздник! – громко озвучивает альфа, поднимаясь на ноги, и голос его звенит, как удар молотка по металлу. Он привлекает внимание всей толпы, и даже дым над костром будто замер. – Мой брат наконец обрел волка!

Молчание. Потом — взрыв одобрения. Кто-то хлопает в ладоши, кто-то громко лает — как волк. Альфа хлопает Адриана по плечу — тяжёлый, почти ощутимый удар, будто проверяя, крепок ли он. Адриан не сдвигается с места, только кивает — спокойно, почти без эмоций. Но я вижу, как его пальцы на секунду сжимаются в кулак — маленькая, почти незаметная реакция. Толпа снова гудит, как ульи, полные рабочих пчёл.

– И он добыл нам ужин. Ешьте! – добавляет альфа, и его голос звучит почти как приказ.

Мужчины встают, словно единый механизм. Каждый смотрит на жарящуюся на костре тушу — огромного, покрытого жиром оленя, с хрустящей корочкой, от которой пахнет

чем-то древним, почти священным. Они подходят к огню, хватают длинные, острые ножи, и начинают рвать мясо руками — как будто это не еда, а часть ритуала. Куски падают на деревянные тарелки, с которых никто не ест — просто берут и отдают друг другу.

Адриан делает то же самое. Он отщипывает кусочек мяса — сочный, ароматный, чуть подгоревший по краям — и подносит его к моим губам. Я замерла. Мой разум молниеносно прокручивает: *Это нормально? Так принято?* Я оглядываюсь — и вижу, что другие мужчины тоже кормят своих женщин. Один — с длинными, заплетёнными в косы волосами — подносит к губам своей спутницы кусок, а она, улыбаясь, принимает его, будто это поцелуй. Другой — с ожогом на щеке — отрывает кусок и отдаёт женщине, сидящей рядом, с лёгким поклоном.

Я не могу не отреагировать. Открываю рот — медленно, осторожно. Мясо касается губ, и я чувствую вкус — острый, солёный, с оттенком дикой мяты и дыма. Но не только вкус. Я чувствую его пальцы — тёплые, с мозолями, сильные. Он не сразу убирает руку. А я, случайно, касаюсь его пальцев губами — лёгким, почти нежным прикосновением. И в этот миг — мгновение, которое растягивается, как смола — его глаза вспыхивают. Не просто светом — золотым, как у волка, что стоит на краю пропасти. В них — тревога, желание,

что-то большее, чем просто привычка. И я понимаю: он не просто кормит. Он тестирует. Проверяет, выдержу ли я.

— Адриан, — раздаётся голос альфы, — скоро откроется ярмарка. Надо бы подготовить шкуры. Странно, что ты не в курсе. Ты ведь знаешь, как важно — чтобы всё было готово к празднику.

Адриан кивает, но не поворачивается к альфе. Его взгляд остаётся на мне. Я чувствую, как он думает — о чём-то своём, о чём-то, что не касается этой толпы. Я вижу, как он медленно опускает руку, будто убирая остатки куска. И тут же — как будто что-то в его глазах смещается. Он больше не смотрит на меня. Он смотрит в огонь.

Я отворачиваюсь. Меня бросает в жар. Сердце стучит, будто пытается вырваться из груди. Я не слушаю, о чём говорят дальше. Мне нужно только одно — продержаться до конца ужина. Пока альфа не отпустил всех, пока не начнётся ночь — я должна найти способ. Сбежать. Найти укрытие. Спрятаться в лесу, где нет ни костров, ни глаз, ни тех, кто считает меня вещью. Я знаю: если я не уйду сегодня — я никогда не уйду.

Время тянется медленно, словно растянувшаяся на десятки минут тень, не торопясь ползёт сквозь тишину ночи. Воз-

дух уже не греет, как днём, а стал прохладным, пронизывающим до костей — и от этого ощущение близости с костром кажется особенно выразительным. Огонь трещит, выбрасывая в небо языки пламени, словно что-то древнее и тайное шепчет в ритме его пульса. Я сижу, уткнувшись ладонями в колени, чувствуя, как мышцы постепенно расслабляются, как будто весь день, напряжённый и выматывающий, наконец-то сдаётся перед безмятежностью этого момента. Меня клонит в сон — тяжёлый, как пелена, — но не спешу уходить в сон, потому что кто-то всё ещё рядом.

И тут — ощущение. Тяжёлая, уверенная рука ложится мне на плечо. Не хватка, не хлопок, а именно *хватка* — как будто кто-то уже давно знает, где у меня сила, где — уязвимость, и теперь держит её в своей власти. Я вздрагиваю, но не от страха — от странного, почти физического ощущения, что что-то изменилось. И тут слышу голос Адриана — тихий, но чёткий, как удар молотка по наковальне.

— Пойдём.

Не «пойдём», а именно *пойдём*. Словно это приказ, который нельзя проигнорировать. Я молча поднимаюсь, нехотя, будто из тяжёлой ваты. Последний взгляд — на Минни. Она стоит у края поляны, словно высеченная из камня, с лицом, искажённым ненавистью. Её глаза — как лезвия, —

смотрят прямо мне в спину, и я чувствую, как по коже пробегают лёгкая дрожь. Но идти некуда. Куда деваться, если за мной — он.

Вхожу в дом. Внутри — прохладно, как в пещере. Огонь в камине всё ещё пылает, освещая стены старинной мебелью, увядшей от времени и пыли. Я снимаю жилетку, бросаю её на край кровати — так, на всякий случай, чтобы не лежать на полу. Думаю: вот съем, сниму платье, лягу. Ночь, сон, покой. Но тут — тихий, почти шёпотом, приказ:

— Раздевайся.

Голос звучит не как предложение, а как приговор. Я резко оборачиваюсь. Адриан уже снял штаны, стоит, опираясь на косяк двери, — с таким видом, будто давно ждал этого момента. Его глаза — как уголь, — смотрят на меня, и в них — не просто желание, а что-то более глубокое, почти животное. Он не улыбается. Не моргает. Просто смотрит — и в этом взгляде — хищность, голод, как у зверя, который только что заметил добычу. Я вспоминаю его слова, сказанные накануне, когда он ещё пытался быть осторожным:

— Не трону тебя сегодня.

Но «сегодня» уже закончился. И я понимаю — оставаться

в рамках «просто спать» больше невозможно. Это не игра, не тактическая пауза. Это — переход. Граница между безопасностью и опасностью пройдена. Или, может, я просто не успела её заметить.

— Раздевайся, — повторяет он, и голос его становится тише, но тяжелее — как будто каждый звук несёт в себе тяжесть, которую невозможно отбросить.

— Отвернитесь, пожалуйста... — шепчу я, почти не шевеля губами. Говорю не с упрямством, а с тем чувством, что ещё можно сохранить хоть какую-то иллюзию уважения, приличия. Но Адриан лишь хмыкает — коротко, саркастично — и остаётся стоять, как скала, не двигаясь.

Выхода нет. Ни вперёд, ни назад. Я молча снимаю платье — колючее, тяжёлое, словно впитало в себя всю ночь, — и кладу его рядом с жилеткой. Оно лежит, как доказательство того, что я была собой. А потом — он шагает ко мне. Ближе. Дышит мне в шею. Я чувствую его тепло, его тень, свою собственную дрожь. Он смотрит на меня — не с любопытством, не с нежностью, а с тем, что похоже на собственничество. Как будто уже давно считает меня своей, даже не касаясь.

И вдруг — его губы. Не ласково, не осторожно. Болезненно. Как будто впиваются в кожу, чтобы оставить след. Я

вскрикиваю — не от боли, а от неожиданности, от того, что *это происходит*. Пытаюсь оттолкнуть его — резко, как будто отбиваюсь от нападения, — но он только крепче прижимает меня к себе, прижимает к стене, к своей телу. Его рука — на моей талии, другая — на шее. Я чувствую, как он дышит, как его тело — твёрдое, напряжённое — давит на моё. Я не могу двинуться. Не могу вырваться. Только чувствовать — как тело подчиняется, как мышцы сжимаются, как кровь бурлит в венах.

— Подождите... — шепчу я, но уже не убедительно. Голос дрожит, как у испуганного ребёнка. А он — не слушает. Он не спрашивает. Он уже давно перестал просить разрешения. Он — власть. Он — закон. И я — его.

Он резко разворачивает меня, словно тряпку, и прижимает к грубой, неровной стене из оштукатуренного кирпича — от её поверхности по коже пробегает лёгкая дрожь. Его тело давит на меня сзади, тяжёлое, горячее, почти осязаемо — каждый вдох, каждый взмах мышц чувствуется сквозь ткань хлопкового платья и жилетки. Его пальцы впиваются в бедра, плотно, почти безжалостно, словно пытаются вдавить себя в моё тело. Между ягодицами скользит твёрдая, напряжённая плоть — ощущение неприятное, пугающее, как будто он хочет вбить в меня своё присутствие, как маркер, как след.

– Нет! Пожалуйста... – вырывается у меня хриплый, дрожащий голос, словно отчаянная молитва, обращённая не к богу, а к самому себе — к той части, что ещё может сопротивляться.

Адриан обхватывает меня одной рукой — ладонью, тяжёлой, как цепь, — обхватывает грудь, прижимая к себе, будто хочет втиснуть меня в своё тело. Его губы касаются кожи за ухом, потом — шеи. Затем, внезапно, его зубы впиваются в кожу, оставляя лёгкую, но острейшую боль, будто кто-то вырезал на шее метку — не кровью, а болью. Он шепчет, и этот шёпот — горячий, тяжёлый, как дым — обжигает ухо:

– Я поставлю тебе метку, – шепчет он, – ты будешь под моей защитой. Под моей властью. Под моей властью навсегда.

– Нет! Я не хочу! – кричу я, и голос срывается на визг, словно я — пойманная птица, бьющаяся о стекло. Мужчина замер, словно оцепеневший, дышит тяжело, резко, как будто только что пробежал марафон. Его дыхание обжигает мне спину, заставляя вздрогнуть. В этот момент я понимаю — он не просит. Он не спрашивает. Он просто делает.

Сердце бьётся, как выбитое из груди — тяжело, резко,

сбивчиво. Каждый удар — как удар по стеклу, как предупреждение: ты не та, кого можно остановить. Он не нуждается в моём согласии. Он — не судья, не любовник, не друг. Он — хозяин. И я — его. Даже если я этого не хочу. Даже если я кричу. Даже если я плачу.

Проходят несколько секунд — тишина, как будто мир замер. Никакого движения, никакого дыхания. А потом — резкий, резонирующий хлопок двери. Он отпускает меня. Не мягко, не осторожно — просто отстраняется, будто я тряпка, которую можно просто выкинуть. И уходит. Без слов. Без прощания. Просто — уходит.

Я опускаю руки, ощупываю себя. Тело дрожит. Платье сдвинуто, жилетка натянута неровно — как будто кто-то пытался его стянуть. Я быстро натягиваю одежду, поправляю юбку, встаю, сажусь на край кровати — на тот самый, где ещё недавно лежал он. Тело всё ещё ощущает его присутствие, как будто оно осталось в воздухе, в ткани, в коже. Я сижу, прислушиваясь. Ни звука. Только тихое потрескивание ковра во дворе — отдалённые голоса, смех, шепот, фонари, мерцающие в сумерках, словно сказочные глаза.

Я сижу так — не двигаясь, не дыша — минут десять, полчаса, может, час. Пока снаружи не стихают все звуки. Пока не угасает последний смех, не затихает последний голос. По-

ка не станет совсем тихо — как будто весь дом, вся усадьба, весь мир замерли в ожидании.

Адриан не возвращается.

Я встаю, смотрю в окно. За стеклом — пустынная дорога, тени деревьев, свет фонаря, мерцающий в тумане. Он не идёт. Он не пошёл к Минни?.. Я знаю — она живёт в башне, на краю усадьбы, за оградой. Он мог бы туда пойти. Но он не вернулся. И это странно. Это... тревожно.

Мне всё равно. Я должна быть равнодушной. Ведь я же не должна ничего чувствовать. Он — не мой. Он — не тот, кого нужно ждать. Он — просто человек, который зашёл, сделал, что хотел, и ушёл. Но почему-то — почему-то эта мысль отдаёт горечью, как будто я его ждала. Как будто я всё ещё жду, хотя знаю — он не вернётся. Или, может, уже вернулся? Может, он где-то рядом, сидит в темноте, наблюдает за мной, как за добычей?

Я не знаю. Я не могу думать. Я просто сижу, сжав колени, и смотрю в окно. И думаю: а что, если он не ушёл? А что, если он просто ждёт? А что, если метка — не просто слова? А что, если он действительно поставил её? И теперь я — его? Навсегда?

И от этой мысли становится не по себе. Не от страха. А от того, что я, может быть, уже не та, кем была.

Выжидаю еще немного, осторожно открываю дверь, прижимая к себе холодный металл ручки, — она будто впитывает тепло моих пальцев, будто предупреждает: «Не торопись, здесь не то, что кажется». За дверью — тишина, настояренная, почти осязаемая. Снег лежит плотным, ровным покровом, словно кто-то выложил его аккуратными плитками, и каждый шаг — это звук, разбивающий молчание. Я делаю несколько шагов по хрустящему, свежему снегу, ощущая, как подошвы вдавливаются в мягкую корку, а за спиной — тихий треск льда в трубах старого дома. И вдруг — остановка.

Луна. Две.

Одна — огромная, почти как солнце, желтая, с тёплым, золотистым отливом, будто вырезанная из медного листа. Она нависает над горизонтом, озаряя снежные склоны зыбким светом, превращая их в залитые ртутью холмы. А рядом — вторая. Маленькая, бледно-голубая, почти прозрачная, будто вырезанная из льда. Она висит в небе так близко к первой, что кажется — можно дотянуться рукой. Между ними — узкая щель, будто мир разделился пополам, и каждая луна — это отражение своей реальности.

Как такое возможно?

Я смотрю вверх, забыв о холоде, забыв о том, что ноги уже онемели. В голове — пустота, а потом — обрывок мысли: *это не на Земле*.

Не может быть, чтобы две луны были одновременно видны с одного места в нашем мире. Это — иллюзия, мираж, или...

Только если это — другой мир.

ДРУГОЙ МИР.

Осознание накрывает меня словно лавина, сметая всё — страх, сомнения, даже память о прошлом. Каждое событие, каждое странное чувство, каждый сон, в котором я чувствовал, что становлюсь другим — волком, тенью, голосом, не принадлежащим мне — теперь встаёт на свои места. Переселение душ. Превращение. Голоса, слышные только ночью. Странное ощущение, будто я не совсем человек.

Всё это — не бред, не галлюцинации. Это — закономерность.

Я не просто оказался в чужом месте. Я — перешёл границу.

Я в другом мире.

И тогда я понимаю: вернуться домой — невозможно.

Не потому что дорога закрыта.

А потому что дома больше нет.

Тот дом, тот город, та жизнь — они исчезли, как дым, как

сон, как имя, которое уже никто не назовёт.

Я — изгнанник.

Я — чужой.

Я — тот, кто больше не принадлежит ни одной реальности.

— Что ты здесь делаешь? — раздается рядом голос Адриана, и от его звучания я вздрагиваю, словно от удара током. Он стоит у порога, в полутени, смотрит на меня — не сводя глаз. Его голос — как удар молнии в тишине.

Я поворачиваюсь, но не сразу отвечаю.

Глаза — серые, как пепел, но в них — свет, будто внутри — кроется огонь, который не хочет гаснуть.

Он не кричит. Не угрожает. Просто стоит. И говорит — спокойно, но твёрдо:

— Зайди в дом.

Его слова — не приказ, а приглашение.

Или предупреждение.

Или — последняя возможность не потерять себя окончательно.

6

Я валяюсь в постели уже несколько дней. Просто лежу, не двигаясь, созерцая потрескавшуюся штукатурку на стене, словно каждая трещина — это путь к чему-то, что я не могу понять. Взгляд застыл в отсутствии, мысли — будто застряли в тумане, не способные выйти наружу. Ем через силу, глотая куски мяса, которые кажется, не имеют вкуса — ни соли, ни перца, ни даже запаха. Я ем, потому что надо, но не потому что х

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.